

Файл: VN680057__Пленарная конференция (Бабкин)

Общая продолжительность: 173:03

(Предварительное обсуждение регламента).

00:09

Игорь Абакумов: Я хочу предоставить слово Константину Анатольевичу Бабкину, президенту ПС «Новое Содружество» с тем, чтобы он рассказал нам о своем видении сельского хозяйства России, какая у него дорожная карта.

Таких дорожных карт в последнее время разрабатывается достаточное количество, их много. По крайней мере, я знаю четыре таких центра, где разрабатываются какие-то стратегии. Но все эти центры не дошли до какого-то документа. Единственный, кто дошел до документа – это **Бабкин**.

Это говорит о чем. Это говорит о том, что в обществе, в научном сообществе, в промышленном сообществе, хозяйственном сообществе уже давно перезрела **проблема новой аграрной политики**. Она уже давно просто перезрела. Этот плод начал созревать – но, извините, для этого нужен хороший агроном, для того, чтобы он созрел в нужном направлении. Павел Николаевич, я правильно говорю?

Реплика: Солнце нужно, чтобы созрел...

Павел Николаевич: Чтобы созрел, нужны климатические...

Мужской голос: Да, и климатическая история. Поэтому, пожалуйста. Константин Анатольевич Бабкин, президент промышленного союза «Новое Содружество».

01:45

Константин Анатольевич Бабкин, президент промышленного союза «Новое Содружество»:

– Дорогие друзья! Надеюсь, я вас еще не утомил собой. Я постараюсь быть краток. Что я хочу представить. Дорожная карта развития сельского хозяйства. Говорил сегодня несколько раз и повторяю еще раз. Идея моя при

написании этой карты и при инициативе, которую мы выдвигали для проведения этого Форума, состоит в том, что в России есть огромный потенциал, который сегодня не реализуется.

Дорожная карта развития сельского хозяйства состоит из трех частей:

- описание существующего положения;
- описано, что надо делать;
- дальше обрисованы результаты, к которым мы можем и должны прийти.

Кстати, дорожная карта есть и в раздаточных материалах. Надеюсь, многие из вас ее уже прочитали, потому что она была выпущена где-то примерно месяц назад.

Пройдусь кратко по ее содержанию.

Мы производим сегодня сельхозпродукции на 30% меньше, чем в 1990-м году, который не был очень удачным для сельского хозяйства РСФСР. При этом более печальная вещь состоит в том, что Правительство не видит проблем здесь.

Мы сегодня слышали позицию замминистра экономразвития, который сказал: «У нас все нормально развивается, и ничего особо менять не надо. 10% в год – и будьте довольны».

В госпрограмме развития села, которую они этим летом написали, написано: «Все у нас отлично. Надо расти очень динамичными темпами 2% в год, и к 2020-му году по каким-то позициям мы достигнем уровня 1990-го года. По каким-то даже и не достигнем – в принципе, это не надо. Давайте динамично развиваться по 2% в год».

Причем они даже за эти 2% не собираются отвечать. Там написано «до 2%». Надо повисить на величину до такой-то.

У Правительства все хорошо, и ничего менять они не собираются. Я считаю, что это все неправильно, и надо менять.

Дальше в дорожной карте идет описание потенциала.

Мы должны держать в голове четыре вещи, которые есть в России и которые надо обязательно использовать.

1. Люди.

У нас 6 миллионов человек работает в сельском хозяйстве. Можно сравнить: это в 10 раз больше, чем фермеров в Северной Америке. У нас больше людей с высшим аграрным образованием (опять же чем в той же Америке). У нас 40 миллионов людей живет на селе. Это огромное число, и безработица на селе значительно выше, чем в городе. Люди есть – готовы и хотят работать.

2. Земля.

У нас есть прекрасные угодья. Население мира растет, его надо кормить. Только два региона в мире (Африка и СНГ), которые могут и должны нарастить объемы производства продовольствия за счет:

- а) повышения урожайности;
- б) увеличения объема обрабатываемых земель.

Известная цифра – 40 миллионов гектар ранее обрабатывались, сейчас не обрабатываются. Это в два раза больше, например, чем объем сельхозугодий Канады.

Земля нас есть, которая с точки зрения климата и с точки зрения обеспечения влагой вполне пригодна. Многие страны развивают свое сельское хозяйство в гораздо худших условиях климатических.

3. Технологии.

Нам сегодня доступны технологии в разы более продуктивные, чем были доступны в 1990-м году. Пахотный трактор в 1990-м году был ДП-75 мощностью 125 лошадиных сил. Сейчас самая продаваемая модель нашего трактора 375 [лошадиных сил] (в три раза больше). Соответственно, выросла производительность труда во всех видах сельхозработ.

4. Рынок.

Есть рынок внутренний. Мы покупаем половину продовольствия из-за рубежа. Это неправильно. Мы считаем, во многом конкуренция не равная, надо защищать наш рынок.

Дальше есть у нас экспортный рынок, за который мы совершенно не боремся, даже периодически запрещаем экспорт продовольствия из России – подрываем нашу позицию на внешних рынках.

У нас есть все необходимое для того, чтобы радикально нарастить объемы производимой продукции. Что для этого надо делать. Базисом должно служить создание равных условия конкуренции. Мы должны помнить, что условия, в которых работают наши крестьяне, конкурируют с зарубежными коллегами, они в корне не равные.

Это и разница в размерах дотаций и в качестве их распределения. Неравенство состоит в стоимости кредитов. Неравенство состоит в отсутствии господдержки на внутренних, на внешних рынках.

По условиям вступления в ВТО, правда, нам запрещено увеличивать поддержку как финансовую, так и защищать рынок. Тем самым вступление в ВТО закрепило вот этот неравный статус конкуренции. Это вредит.

Надо пересматривать эти условия вступления в ВТО. Взвесить надо, что для нас важнее: членство в этом якобы «элитном клубе», либо развитие нашего сельского хозяйства.

08:04

Если мы это все себе взяли в голову, что равные условия конкуренции, дальше наши действия распределяются на три блока. Развитие внутреннего рынка, которое состоит опять же из защиты рынка, и внедрения стандартов качества продукции. Это основные моменты.

Наиболее важный момент тут состоит в том, что надо субсидировать, поддерживать бедных, небогатых потребителей нашего продовольствия.

Государство в последние годы неоднократно вмешивалось в аграрный рынок, сбивая цены на продовольствие. Будь то зерно, мясо, мясо птицы. Говорит: «Ага, дорожает – надо сбить. Надо открыть рынок – надо применить какие-то

финансовые рычаги, иначе бедные у нас жалуются и не могут покупать дорогую пшеницу».

В дорожной карте есть такая картинка. Мы проанализировали. Взяли рецептуру хлеба, проанализировали и поняли, что цена зерна в стоимости хлеба на прилавке составляет лишь 10%.

Если мы позволяем зерну стоять достаточно дорого, при этом оказываем адресную поддержку неимущим (которых у нас менее 10%), мы тем самым даем возможность заработать сельскому хозяйству, мы развиваем экономику, мы собираем больше налогов, и с этих налогов поддерживаем бедных.

Безработица уменьшается, количество бедных сокращается, и их положение, этих самых бедных, улучшается за счет поддержки.

09:32

Дальше мы должны поддерживать наших экспортеров на внешних рынках финансово, политически, строя инфраструктуру, делая скидки на транспортные услуги.

Дальше очень важный вопрос – мы должны иметь технологическую стратегию развития отрасли. Сейчас та программа развития села, о которой я говорил, это фактически смета.

«Мы должны потратить на мелиорацию столько-то миллиардов. Мы должны потратить на поддержку животноводства столько-то миллиардов».

Как это, какие технологии будут поддерживаться, сколько специалистов надо, в каких регионах развиваем, в каких нет – этого ничего в госпрограмме нет, и министерство фактически устранилось от этой работы.

Нужна технологическая стратегия.

Это такие три направления работы.

10:34

Третья часть дорожной карты состоит в том, что допустим, мы добились – у нас сделали равные условия конкуренции. У нас рентабельное сельское хозяйство, мы знаем, куда идем, у нас есть рынки. Дальше мы оценили

потенциал, куда можем прийти, сколько мы должны производить сельхозпродукции.

Оценка потенциала говорит, что мы должны производить не «позорные 70 миллионов тонн» зерна в год, а 300 миллионов тонн зерна в год. Потому что у нас есть все технологии, есть земля и есть все необходимое.

Мы должны производить мяса в три, по-моему, раза больше. Там есть цифры, я сейчас наизусть не помню. Но примерно итог такой, что в три раза больше мы должны производить, чем сегодня. Мы должны кормить миллиард людей во всем мире, потому что у нас есть для этого условия.

Кто-то критиковал. Уважаемые ученые говорят, что «ты слишком рисуешь какие-то сказки Андерсена, это слишком высокие цифры, в них никто не поверит».

Докладываю.

Работаю в холдинге «Новое Содружество», видел увеличение объемов производства на разных заводах в несколько раз.

- На «Россельмаш» мы увеличили объем производства за три года с 850-ти штук комбайнов до 6,5 тысяч штук – это 8 раз.
- В Канаде у нас производство тракторов. 4,5 года назад мы выпускали машин на 170 миллионов долларов, сейчас мы выпускаем (в этом году) на 430 [миллионов долларов] – в 2,5 раза.

У нас по разным заводам тоже был огромный рост.

Ничего не вижу такого страшного в том, чтобы ставить большие цели, и я верю, что их можно добиться. Я видел это. Я видел потенциал в заводах, которые мы приобретали, и я сейчас вижу потенциал в сельском хозяйстве всей России, который мы можем и должны реализовать.

Я надеюсь, что прозвучит критика, прозвучат предложения по нашей дорожной карте, какие-то дополнения. Что-то мы, очевидно, упустили. Я надеюсь, что мы сейчас обсудим это. Все пожелания мы учтем, и какой-то новый доработанный вариант уже не «Партии дела», а Московского экономического форума, наверное, будет обнародован. Со временем, я уверен, он станет программой действия Минсельхоза.

12:59

Игорь Абакумов: Спасибо, Константин Анатольевич. Пока не уходите. Если у кого-то есть вопросы, можно их задать. А потом мы уже приступим к дискуссии. Пожалуйста. Если можно, сразу называйте фамилию, имя, отчество.

13:11

Мужской голос: (Неразборчиво, без микрофона, 13:12), генеральный директор ООО. Скажите, пожалуйста, а у нас (неразборчиво, 13:20) министерства?

Константин Бабкин: Мы приглашали, но (неразборчиво, брак звука, 13:24) нет.

Мужской голос: А сельхозакадемия?

Игорь Абакумов: Россельхозакадемии здесь много.

Мужской голос: (Неразборчиво, брак звука, 13:32), извините, пожалуйста.

Константин Бабкин: Ведется запись.

Мужской голос: Давайте увеличивать – для кого?

Константин Бабкин: Объясняю. Мы проводили, обсуждали уже и сельское хозяйство в рамках подготовки к Форуму. Вроде собирается тоже такой достаточно узкий круг людей. Это все пишется и потом выкладывается, как минимум, в интернет. Потом я удивляюсь, что в разных регионах люди выдают цитаты, люди это все смотрят часами, люди делают для себя выводы.

А также это смотрят чиновники Минсельхоза, которые здесь не присутствуют, но я уверен, я знаю даже, они все это изучат и очень внимательно проследят.

Поэтому считайте, что мы находимся на трибуне. Я думаю, что внимание к нашему Форуму, к нашему сегодняшнему заседанию будет, и немалое. Поэтому говорите, пожалуйста, делайте свои предложения – вас услышат.

Игорь Абакумов: Еще есть вопросы? Пожалуйста. Представьтесь, пожалуйста.

14:32

Мужской голос: (Неразборчиво, 13:32) Александр, группа компаний (название, 14:33). Вы сказали, у нас есть достаточные технологии, которые позволяют увеличить в три раза производство зерна. А я утверждаю, что у нас агротехнологический коллапс. Как вы ответите на этот вопрос? Почему вы считаете, что у нас есть технологии?

Константин Бабкин: Нет, у нас есть доступ к технологиям.

Мужской голос: У нас экономически доступа нет к этим технологиям.

Игорь Абакумов: Прошу прощения. Дискуссия чуть позже. Вопрос был задан. Вы не согласны, правильно?

Константин Бабкин: Я не согласен. Если мы обеспечим рентабельность производства зерна или другой сельхозпродукции, если обеспечим доступность банковских кредитов, то, пожалуйста, идите на выставку с этими деньгами. Зная, что вам выгодно заниматься сельским хозяйством, приобретайте технику – она там сегодня доступна самая разная, самая производительная. Доступ есть. Другое дело, что нерентабельно сегодня – вкладывать. Но это как раз проблема, которую призвана сегодня решить карта.

15:27

Игорь Абакумов: Константин Анатольевич, у меня к вам вопрос. В послании Федеральному Собранию наш Президент дал сельскому хозяйству пять лет на продовольственную независимость и на выход на мировые рынки. Вслед за этим он обнародовал программу обновления Военно-воздушных сил. Там несколько триллионов (около 10-ти, по-моему). Программа освежения, так сказать, Военно-морских сил – тоже несколько триллионов. Строительство авианосной группы в Средиземном море – несколько триллионов. А вот касательно независимости продовольственной как-то бюджет был не отмечен, что называется. Где план и где смета, как вы считаете. Почему не названо, как вы полагаете.

16:16

Константин Бабкин: Это абсолютно правильный вопрос, почему не названо. Позиция министра состоит в том, что «ребята, я не буду просить денег у Правительства для сельского хозяйства, давайте обходиться тем, что есть». Это не очень понятно. На сельхозмашиностроении мы тоже его позицию видели. Он говорит: «За машиностроение я не отвечаю». Ни одного совещания не провел по сельхозмашиностроению. Я его не видел, по делу с ним никогда не разговаривал. Поэтому не удивительно, что мы имеем такую «поддержку» в кавычках сельского хозяйства.

Игорь Абакумов: Если вопросов больше нет, мы переходим к следующему докладу. Есть вопросы. Пожалуйста, представьтесь.

16:59

Мужской голос: Да, извините. Иван (**неразборчиво, 17:00**). У нас с нынешнего года радикальным образом изменился инструментарий поддержки в растениеводстве. Как вы оцениваете не механизм, а именно (**неразборчиво, шум, 17:10**) субсидирование по сравнению с тем, что мы имели раньше, и в сравнении с тем, что, в принципе, (**неразборчиво, 17:16**)? Спасибо.

Константин Бабкин: Я могу судить более предметно через комбайны. Мы видим, что была отменена программа субсидирования процентных ставок на приобретение сельхозтехники. Хотя даже Елена Борисовна не решилась это сделать (которую сейчас критикуют). Здесь стало хуже. Сегодня комбайнов продается, несмотря на высокую стоимость зерна, на 30% меньше (в этом феврале продано, чем в прошлом феврале). Не работает эта программа субсидирования, поэтому негативное отношение.

17:54

Мужской голос: Маленький комментарий(?), вопрос. (**Неразборчиво, 17:58**), **Евразийский центр граждан(?)**. Все позиции вы изложили корректно, все прекрасно. Где покупательный спрос? Полтора миллиарда голодающих, которых по вашей программе мы собираемся накормить, у них нет денег. Они только на фондах ООН (**неразборчиво, 18:20**). Покупательный спрос как оценивают ваши эксперты мировой?

Константин Бабкин: Импорт в Россию только составляет 60 миллиардов долларов (на продовольствие мы тратим).

Мужской голос: Это наш внутренний.

Константин Бабкин: Внутренний, да. Тоже надо. 60 миллиардов для сельского хозяйства немалые деньги, если бы мы их могли сюда потратить. А внешний спрос... Опять же, мы запрещаем экспорт зерна, а вместо этого – надо бороться. Есть платежеспособный спрос в мире: и в арабских странах, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

18:54

Женский голос: (*Неразборчиво представление, 18:54*), консультант-эксперт Общественной палаты Российской Федерации. Скажите, пожалуйста. Я, к сожалению, не ознакомилась с этой дорожной картой. Есть ли в ней позиция по поддержке такого сегмента очень бурно сейчас развивающегося как экологическое сельское хозяйство.

Константин Бабкин: Там идея такая заложена, что надо следить за качеством продовольствия и защищать наш рынок, в частности от генно-модифицированной продукции и вообще от некачественной продукции по двум причинам. Это вредит здоровью нашего населения. Последствия употребления ГМО не ясны и, скорее всего, негативны. Это первое.

Второе – защита рынка от некачественной продукции позволит опять же нам развивать экологически чистое производство здесь. Глубоко эта тема не разработана, но такой посыл, я считаю, важный заложен.

Игорь Абакумов: Спасибо, Константин Анатольевич.

Константин Бабкин: Спасибо.

20:00

Мужской голос (*без микрофона, тихо*): Ни в тех докладах, которые мы с вами слушали, не говорилось, ни сейчас не говорится ничего о роли государства. В том, что говорите, роль государства, если она (*неразборчиво, 20:13*), потому что в сельском хозяйстве (могу с вами поспорить) программа хорошая, но людей, которые бы исполняли эту программу, нет.

(*Неразборчиво, 20:25*) сейчас управленцев в сельском хозяйстве. В 150-ти районах вообще нет ни одного человека, который бы мог работать как специалист. 7 тысяч специалистов вообще уволили за последние годы. Мы

провели исследование (**неразборчиво, 20:40**) то, что говорите, не соответствует действительности. Надо внимательно посмотреть.

Игорь Абакумов: Прошу прощения – вопрос. Вопрос кадровый, я так понимаю. Мы правильно поняли. Вопрос о кадрах, правильно?

Мужской голос: Да-да-да. Кадровый вопрос.

Константин Бабкин: Есть ли кадры, которые могут от имени государства реализовывать разумную аграрную политику? Я думаю, что есть. У нас есть люди, которые знают село. Есть люди с высшим аграрным образованием, которых (сегодня прозвучало) нет в Минсельхозе. Есть один во всем Минсельхозе – я думаю, что все это правда. Эти люди есть, но они сегодня работают не там, им ставятся не те задачи, мне кажется. Кадровой проблемы я здесь не вижу.

21:21

Игорь Абакумов: Спасибо большое, Константин Анатольевич.

Как сегодня Василий Иванович Мельниченко под общие аплодисменты сказал, что «доярки в едином порыве осудили действия кипрских властей и кипрских банков», в то время как субсидии на сельское хозяйство до сих пор не распределены в Российской Федерации.

Я хочу предоставить следующее слово заведующему кафедрой политической экономии Тимирязевской академии **Рафхату Сахиевичу Гайсину**. Пожалуйста, Равхат Сахиевич.

Касательно экологического земледелия и ГМО у нас будет отдельный доклад, так что вы, пожалуйста, повесьте свои уши на гвоздь внимания.

22:45

Рафхат Сахиевич Гайсин, *заведующий политической экономии Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева:*

– Уважаемые коллеги, тема моего доклада или выступления краткого **«Роль рынка и государства в обеспечении сбалансированности интересов производителей и потребителей на агропродовольственном рынке»**.

Существует интерес со стороны спроса и интерес со стороны предложения. Проблема регулирования этих интересов, проблема регулирования и согласования интересов производителей и потребителей продовольствия сводится к регулированию спроса и предложения.

Какие же интересы у производителей, и какие интересы у потребителя на рынке продовольствия. В чем (в сжатом виде) этот интерес проявляется? Конечно, в цене в тех доходах, которые эта цена обеспечивает.

Итак, есть целый ряд исследований, и я довольно много внимания им уделил, в процессе которых доказано, что рыночный механизм имеет существенные изъяны, сбои именно в сельском хозяйстве. В большей степени эти сбои, чем в промышленности и в других отраслях. Рынок не в состоянии обеспечить сбалансированный спрос и предложение, сбалансированность интересов потребителей.

В чем это проявляется и почему. Дело в том, что в течение длительного периода времени предложение в сельском хозяйстве и в агропродовольственном секторе растет быстрее, чем спрос. Если предложение устойчиво растет быстрее, чем спрос (это элементарная азбука микроэкономики), цены будут формироваться на заниженном уровне.

Цены ниже так называемой эффективной конкурентной цены, цены эффективного конкурентного равновесия. Цены обеспечивают низкую доходность в сельском хозяйстве.

Это не особенность только сельского хозяйства России. Это закономерность, характерная для любой рыночной экономики, где достаточно высокий уровень насыщения потребностей.

(Демонстрация слайда).

Подтверждение этого я хочу привести. Смотрите, возьмем Соединенные Штаты Америки. Проблема диспаритета цен в течение всего XX века, начиная с 1910-го по 1995-й годы.

Верхняя жирная линия – это цены на ресурсы, которые покупают фермеры. Цены на ресурсы, которые покупают фермеры, за 85 лет увеличились в 17 раз.

Пунктирная линия – цены на продукцию, которую продают фермеры. Цены на продукцию, которую продают американские фермеры тоже увеличились в этот период, но увеличились в 7 раз. Это в Соединенных Штатах Америки, где огромный объем государственной поддержки. Даже при таком объеме государственной поддержки проблему паритета полностью решить не удастся. Но там высокая производительность труда и высокая отдача ресурсов. Я не буду (нет времени) останавливаться на проблеме диспаритета цен.

Сегодня только руководитель предприятия Василий Мельниченко привел нам данные, что цены у него хорошие на эту продукцию, которую он продает, но они пятилетней давности на том же уровне. А цены на ресурсы, которые он покупает, в два с половиной раза за эти пять лет повысились.

Диспаритет цен и в Соединенных Штатах Америки, и в Европе, и в России. Но в России, отличие от Европы и Соединенных Штатов Америки, ситуация несколько отличается, конечно, и мы знаем это отличие.

Раз рынок не в состоянии уравновесить спрос и предложение, значит, эту проблему должно решать государство. Рынок не может уравновесить.

Для производителя цены, которые сложились на рынке на его продукцию, низкие. Он вынужден забрасывать значительную часть своих ресурсов.

40 миллионов гектар земли после 1990-х годов вывели из оборота. Не выгодно на этой земле производить продукцию. В 2 раза сократилось поголовье крупного рогатого скота, и многие, многие другие. Деграция агропроизводственного потенциала идет.

Как будто бы, раз цены низкие, это должно быть выгодно потребителю, покупателю продовольствия. Нет. Покупатель тоже ходит около этого рынка и говорит: «Я тоже обижен этим рынком, цены меня не устраивают. Цены, по которым я должен покупать их продукцию, для меня высокие».

Вы посмотрите, какая парадоксальная ситуация. Для производителя цены низкие, не обеспечивают ему нормальную доходность производства, не обеспечивают нормальное воспроизводство. Для потребителя цены высокие. Он не в состоянии потреблять белковые продукты питания, фрукты, овощи в соответствии и национальными нормами потребления.

Я не имею в виду богатую часть населения. Я имею в виду ту часть населения (60%), значительная часть которой ведет полуголодное существование.

Почему? Причина низкого потребления, причина того, что цены высокие для них – низкие доходы населения. Значительная часть населения имеет очень низкие доходы.

Получаются ножницы противоречия между интересами потребителя и производителя.

Как на Западе разрешают это противоречие, и как нам надо бы разрешать это противоречие между интересами потребителя и производителя? Как поддержать в одно и то же время и производителя, и потребителя? Как сделать так, чтобы агропродовольственный рынок формировал такую конъюнктуру, которая была бы выгодна и производителю, и потребителю?

С этой точки зрения, конечно, очень интересен опыт Запада. Наши его изучают, о нем уже говорят. Государственная поддержка спроса.

В 1930-е годы фермеры вышли на улицы, выкатили всю свою технику, бастовали и готовы были перевернуть эти города, требуя нормальный уровень доходности, нормальных цен на свою продукцию, требуя устранения диспаритета цен. В этот же период времени появилась **теория Кейнса**, теория экспансионистской политики расширения спроса, поддержки спроса населения.

Рынок не в состоянии это сделать, потому что спрос не эластичен. Запад стал в области сельского хозяйства поддерживать производителей, в первую очередь, через поддержку потребителей. Поддержка сельскохозяйственного производителя через поддержку бедного человека, проживающего в городе или на селе.

(Демонстрация слайда).

Посмотрите на эту картинку, которая приведена. Два направления поддержки спроса:

- поддержать спрос населения, в первую очередь, беднейших слоев населения;

- повышение спроса на сельскохозяйственную продукцию со стороны государства.

Вот пример так называемой программы продовольственных талонов. Ее сейчас называют в Соединенных Штатах Америки программой льготной покупки продуктов питания (она несколько шире называется).

Было 11 миллиардов в 1985-м году. 72 миллиарда в 2011-м году Америка выделила бедным людям на то, чтобы они получили карточки (теперь не талоны, а магнитные карточки). На эти карточки на 72 миллиарда рублей они получают бесплатно, за счет государственных средств, продукцию. Но эти 72 миллиарда долларов идут фермерам. На эти миллиарды долларов фермеры покупают продукцию.

Время ограничено, какие-то вопросы будут – я отвечу. В завершении перехожу к России. Посмотрите, в России как государство регулирует спрос и предложение, потребление и производство.

Вот цифры госпрограммы на 2008 – 2012-й годы. 551 миллиард рублей было запланировано на пять лет. Из них (в госпрограмме написано) 7 миллиардов рублей на регулирование рынка. Только 7 миллиардов рублей на регулирование рынка.

Вывод какой? Основная часть государственной поддержки, государственного регулирования идет на то, чтобы поддержать производство. Как будто бы хорошо. А поддержать спрос, повысить спрос? Получается, что поддерживают производство. Какое производство мы поддерживаем? А не получается ли такая поддержка медвежьей услугой?

Вы посмотрите, ситуация какая: перепроизводство. Перепроизводство с какой точки зрения? По сравнению с относительно низким спросом, низкими доходами населения.

Экспансия экспорта. Огромный объем продукции ввозится в страну, и дополнительно предложение начинает превышать спрос при этой экспансии.

Мы в этой ситуации начинаем поддерживать производителя. Мы говорим: «Мы тебя поддержим, у тебя низкие доходы – вот тебе льготный кредит, вот тебе субсидии, вот тебе дотации. Ты давай увеличивай производство».

И так предложение превышает спрос. Он начинает увеличивать производство – и получается, у него и так перепроизводство, цены низкие из-за того, что перепроизводство. Перепроизводство только усиливается, предложение еще больше превышает. От поддержки государства цены для производителя только понижаются.

Вот направления, что же надо делать. Надо не изобретать велосипед, а взять и использовать ножницы с двумя лезвиями.

Я предлагаю два направления.

Первое направление. Использовать политику расширения спроса со стороны государства. Но у нас Министерство сельского хозяйства не имеет таких полномочий.

Сейчас работает рабочая группа по так называемому социальному питанию, но только к 2015-му году какие-то шаги предпринимаются. В Соединенных Штатах Америки полностью Министерство сельского хозяйства имеет возможность решать и проблему поддержки малообеспеченных слоев населения, и проблему поддержки тем самым производителя. Те 72 миллиарда долларов идут на поддержку производителя.

Второе направление. Надо перейти к дифференцированной шкале подоходного налогообложения. Без дополнительной поддержки из бюджета это будет огромная поддержка для малообеспеченных слоев населения на покупку продуктов питания. Если 153 миллиарда рублей (есть у меня подсчеты и таблицы здесь) взять у 20% богатых и передать их за счет дифференцированной шкалы налогообложения бедным, эти 153 миллиарда долларов большей своей частью пойдут на покупку продуктов питания.

Я закончил. Спасибо.

33:32

Игорь Абакумов: Рафхат Сахиевич, спасибо. У меня к вам вопрос есть. В течение всего XX века и в начале XXI века у нас аграрные преобразования идут примерно с интервалом в 10 лет. Раз в 10 лет что-то происходит (10 – 12 лет). То продовольственная программа, если откатывать назад, то еще что-нибудь.

Как вы полагаете, в связи с чем такие мероприятия у нас происходят?

То у нас коллективизация, потом идет деколлективизация, потом образование агрохолдингов, потом делают фермеров, потом говорят, что фермеры не эффективны... Получается, что на протяжении четырех поколений люди так и не поняли: кто они, чем им заниматься. Как вы полагаете, с чем это связано?

Рафхат Гайсин: Вот эта периодичность?

Игорь Абакумов: Вот эта периодичность и эта непонятность.

Рафхат Гайсин: Насчет периодичности – довольно сложно. Здесь можно, конечно, и солнечную активность использовать.

Игорь Абакумов: Может быть, это все связано все-таки с невнятностью аграрной политики?

Рафхат Гайсин: Я хотел как раз об этом сказать. Нет достаточно продуманной научной теоретически обоснованной аграрной политики, ее тактики и стратегии. Мы методом проб и ошибок то в одном направлении, то в другом пытаемся сделать, а ведь зачастую не надо велосипед изобретать.

Можно изучить опыт Запада хорошо. Можно взять теоретические положения, имеющиеся, разработанные. Но для этого требуются, действительно, научные обоснования.

Модератор. Спасибо. Спасибо вам большое. У нас регламент. Если нет вопросов... Один, пожалуйста, короткий.

35:11

Мужской голос: Вы немного отстали от жизни. Минсельхоз объявил, что при «зеленой корзине» будет давать деньги на стимулирование потребительского спроса. Но есть другая вещь. В условиях ВТО это будет стимулирование сельского хозяйства не России, а Бразилии и других стран, потому что цена продукции, которая на рынок выходит, будет ниже внутренней цены. Вы этот момент совершенно не понимаете.

Рафхат Гайсин: Это ваше мнение. Я как раз говорил о том, что Минсельхоз как раз пока не занимается. А почему не занимается? Потому что у него

полномочий нет спрос [стимулировать]. Спрос – это продовольственные талоны. Это целевой спрос именно своего населения, отечественного, а не зарубежного.

Игорь Абакумов: Спасибо большое. Есть такая фраза, которая немного характеризует то, что происходит у нас. Я уже в самом начале говорил про несколько центров, где вырабатывается аграрная политика, инициативно вырабатывается, что называется. Почему это происходит?

В одном из центров (это было там, где все наши олигархи заседают – Союз промышленников и предпринимателей, там тоже есть Аграрная секция) они опять задались вопросом: почему же аграриев не понимает Правительство. Почему в Правительстве нет фактически ни одного специалиста, который бы оценивал аграрную политику и формировал ее. Почему этого нет.

На эту тему давным-давно выказался **Фридман**, нобелевский лауреат в сфере экономики, который сказал: «Правительственное решение проблемы, как правило, хуже самой проблемы».

Я хочу предоставить слово человеку, который работал в Правительстве, был заместителем Министра экономики, работал до этого в сельском хозяйстве, был директором совхоза, и вообще специалист с хорошим характером. **Иван Валентинович Стариков**. Пожалуйста.

Как по поводу фразы Фридмана о том, что «правительственное решение проблемы хуже самой проблемы»? Почему, Иван?

37:27

Иван Валентинович Стариков, *бывший заместитель министра экономического развития Российской Федерации:*

– Я думаю, что, на самом деле, все зависит от того... Если отрицательная селекция по отбору тех людей, которые принимают решения, что мы наблюдаем последние 10 лет, наверное, я с Фридманом согласен. Если модель отбора, в том числе, через нормальную политическую конкуренцию, то Бабкин вполне бы мог быть Министром промышленности и реализовывать разумную промышленную политику. Поэтому вопрос **изменения(?)** модели отбора.

Я очень коротко постараюсь. Тут вопрос был задан. Дело в том, что на выходе Закон «О федеральной контрактной системе». Он кардинально меняет систему государственных закупок. Теперь уже не играет главную роль цена конкретно минимальная, как по 94-му Федеральному закону, в данный момент времени. Поэтому бразильская свинина может быть вполне дешевле. Но если вы участвуете в конкурсе на весь жизненный цикл той или иной программы (допустим, социального питания), тогда у вас шансов победить гораздо больше.

Поэтому сейчас я посмотрел ту дорожную карту «зеленой корзины», которая вается в Минсельхозе так не шатко, не валко. Мы-то главные претензии какие? Там вещи, вроде, правильные, но все это с фатальным опозданием, потому что мы стремительно теряем, допустим, промышленное свиноводство. Я пленарно (не буду повторяться) выступал и говорил.

Я пару слов скажу относительно [того], какие еще меры у нас. Здесь абсолютно правильно было про увеличение внутреннего спроса. Но для этого необходимо, помимо конкретных аграрных проблем, решать и еще одну проблему.

Порядка 64-х законов и постановлений Правительства необходимо менять, вносить изменения. Почему? У нас есть федеральные потребители.

Допустим, Министерство обороны. Военские части в различных частях страны расположены. Необходимо делегировать эти полномочия от Министерства обороны вниз, допустим, органам сельского хозяйства на местах. Это потребует серьезного изменения федерального законодательства.

Или Минздрав у нас отвечает сегодня за питание в лечебных учреждениях. Только по городу Москве 93 тысячи человек, которым три раза необходимо. Я по Москве только назову: 470 тысяч завтраков, 270 тысяч обедов, 70 тысяч полдников. Примерно столько же, только умноженное на три, детских дошкольных учреждений. Всего 55 миллиардов рублей – можно продукцию убирать с рынка.

Поэтому здесь вопрос какой.

Мы должны взять на себя ответственность и реализовывать эту программу, начиная с изменения законодательства, в том числе Закона «О федеральной контрактной системе».

Два слова. Сейчас стоит вопрос. Мы посмотрели логистику: московская агломерация потребляет в год 18 миллионов тонн продовольствия, 50 тысяч в сутки, 15 железнодорожных составов или 2,5 тысяч 20-тонных фур.

Логистика отвратительная. Только за счет улучшения логистики мы сможем снизить расходы каждого москвича и жителя (порядка 17-ти миллионов человек) на 15 – 20% на продовольственную корзину. Но за счет этого обеспечить доступ, облегчить доступ на рынки московской агломерации региональным производителям.

Давно у нас встала и назрела необходимость строительства вокруг Москвы примерно трех оптово-распределительных центров, куда в дневное время заходят вагоны, фуры, из аэропортов подвозится. Там формируются партии для сетей крупного торгового формата (условно говоря, «Магнит», «Перекресток»), не сетевого формата, то, что называется ‘cash&carry’, так называемые ‘HoReCa’: отели, рестораны, кафе и так далее. А в ночное время впрыскивается в торговую сеть. Но это все «зеленая корзина», это можно без ограничений. В программе развития сельского хозяйства 2020-го года она стоит полтора триллиона рублей. Это обозначено в качестве приоритета.

Я прошу, обращаясь к Константину Анатольевичу, к Игорю Николаевичу. 31-го мая мы проводим Форум по аграрной логистике вместе с Минсельхозом. Я хочу, чтобы от регионов поступили предложения, потому что моя позиция... Я разговаривал с первым замминистра (Фамилия?). Выделите деньги регионам наработать набор критериев, чтобы они могли претендовать на получение федеральных денег на инфраструктурные вещи, для того, чтобы аэропорты подскока делать в регионах.

Савченко откликнулся (Белгород), **Артамонов** (Калуга) откликнулся, **Минниханов** (Татарстан) откликнулся. Тогда мы в значительной степени сможем воспользоваться теми преимуществами, которые реально есть.

Пару слов про **органическое** сельское хозяйство. Я себя считаю, может быть, не скромно скажу, но одним из лучших экспертов. У нас здесь есть три неоспоримых конкурентных преимущества.

Это наиболее динамично растущий сектор. Последнюю четверть века в среднем на 30% в год растет. В прошлом году емкость мирового рынка была примерно 80 миллиардов долларов.

У России три неоспоримых конкурентных преимущества.

Во-первых, это экстенсивное сельское хозяйство. У нас в наличии земля. Здесь про 40 миллионов гектар пашни говорили, выведенной из оборота.

Даже коллективизация, которая, казалось бы, принесла нам неисчислимые беды, здесь помогает нам. Почему? Доставшаяся в наследство от Советского Союза крупноконтурная система социалистического земледелия позволяет внедрять единые технологические приемы на огромных площадях, не согласуя с большим кругом мелких собственников с разной мотивацией поведения.

Третье. Пестицидно-гербицидная нагрузка на гектар пашни. Мы в прошлом году МПК (азота, фосфора, калия) внесли 26 килограмм на гектар пашни. Европейский союз – 300. Слушайте, там есть нулевой период, если получать международные сертификаты, для того, чтобы пройти процедуру санации и начать сертификацию. Нам же это проще: у нас огромное количество залежей земель.

Вопрос в чем. Закон «Об органическом сельском хозяйстве» пытаются все время на мелкие гешефты разодрать в Госдуме.

Ровно в тот день, когда он был внесен в Госдуму, Роспотребнадзор разрешил – в 10 раз увеличил содержание тетрациклина в молоке. Слушайте, я обращаюсь к Онищенко, вы что делаете? «А в ВТО это разрешено». Я говорю: «Да не все плохо было в Советском Союзе!» Не было рыночной экономики, только очень жесткие нормы были, требования, технические регламенты качества. Зачем это преимущество терять?

Я-то знаю! Это для производителей хорошо, полгода у тебя молоко стоит – с ним ничего. Но у меня в желудке, в желудке у моего ребенка чтобы через три часа переварилось. Я уж не говорю, что если, не дай Бог, что-то случилось – это же антибиотик. Потом ребенка трудно будет спасти. Это же отстреленная гильза, которая катается под ногами.

Поэтому с одной стороны, одной рукой Закон «Об органическом сельском хозяйстве», с другой стороны, увеличиваем – и вешает защитник здоровья граждан наших. Но мы же должны свою позицию обозначить.

Клепач ушел, подписал писульку. Закон не нужен «Об органическом сельском хозяйстве». Я говорю: «Ты что подписал, Андрей? Ты что подписал?». – «А я не глядя. Мне подсунули – я не успеваю смотреть».

Но давайте мы сформируем позицию.

Почему? Я понимаю, что это дорогая еда. Но это воплощение аграрной политики, когда в одном случае мы поддерживаем сельскохозяйственное производство, а в другом случае доходы населения в сельской местности.

Это ведь разная бюджетная политика. Это позволяет сохранить в регионах неблагоприятных территории. Потому что они еще одну функцию выполняют – государственную. Они контролируют периметр, держат территорию, как Федеральная пограничная служба, если уж говорить серьезно. **Константин Анатольевич** правильно называл цифры потерянных деревень.

Извините. Я заканчиваю свое выступление. Вот Андрей Григорьевич здесь сидит (фамилия, 45:30). Давайте мы Союз органического земледелия сделаем. Есть у России перспективы, в том числе экспортные в этом направлении. Есть! У нас есть (неразборчиво – какой, 45:39) союз, Мясной союз, Молочный союз. Давайте мы Союз органического земледелия сделаем, и я призываю принять участие в его создании.

Мы планируем, наконец, в мае его Учредительный съезд. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо, Иван Валентинович. Вопросы есть? Один вопрос, пожалуйста.

46:03

Иван Рубанов: Иван Рубанов, журнал «Эксперт». Вы говорили о поддержке логистических центров – но это конкурентный, в общем-то, бизнес. Какова роль государства должна быть в этом процессе? Ставку должно по кредитам субсидировать или как.

Иван Стариков: В качестве примера вот Анатолий Дмитриевич Артамонов. Хороший губернатор.

Игорь Абакумов: Калуга.

Иван Стариков: С точки зрения привлечения инвестиций, 67 километров от МКАД, вы знаете, эта «груша» получилась, расширение Москвы. На границе 500 гектар земли отвел, подвел туда 18 километров железной дороги с причальной стенкой 1 километр для того, чтобы стояли вагоны. Завел туда 120 мегаватт электроэнергии, 40 миллионов кубов газа.

Рядом взял заброшенный военный аэропорт «Ермолино», где ИЛ-76 садились. Все – готовая площадка для того, чтобы делать оптово-распределительный центр.

Какая задача? Компенсировать часть затрат или все затраты на создание инфраструктуры. Внутри этой площадки лезть не надо. Резиденты. Сделать управляющую компанию, как **Ранжис** /Rungis/ под Парижем. Там 37% принадлежит правительству Парижа.

Они сами определяют: какие склады, какие температурные режимы. Но это же чрезвычайно важно. Там последняя окончательная валидация зооветеринарного, санитарного и всех видов контроля.

Если я владелец магазина или ресторана и получаю продукты оттуда, ни один чиновник (ни из ведомства Онищенко, ни из другого) не имеет права прийти что-то у меня потребовать. Почему? Потому что на этой площадке купить поддельный сертификат соответствия невозможно.

Это вопрос безопасности и качества и уменьшения коррупционной составляющей. Вы же знаете, сейчас приходит, на цветном ксероксе раз, под столом конвертик с деньгами раз – и пошел по кругу ходить.

Но это политическое решение – и тогда, соответственно, будет делать этот бизнес оправданным, как уменьшение лишних административных барьеров. Поэтому задача государства в данном случае – помочь с инфраструктурой. Бизнес сам зайдет (соответственно, в части управляющей компании) и сам определит, какие склады и какие технологии там необходимы.

48:08

Иван Рубанов: По госконтрактам вы национальное содержание (неразборчиво, 48:11)?

Игорь Абакумов: Это уже второй вопрос. Один вопрос, простите.

Иван Стариков: Я в данном случае исхожу из того, что у нас так получилось. На Западе после Второй мировой войны было много мелких производителей, много мелких магазинов. Один привозил молоко, другой мясо, третий сыр – поле нерационально. Потом Шарль де Голль запретил хранение и переработку в исторической части Париже где-то в середине 1950-х. Образовалось 230 гектар (землеугодий, 48:37). Сегодня этот образец Ранжис /Rungis/. Сегодня 37 таких центров в мире построено. Я примерно смотрел.

Чрезвычайно важно оптимальное место: где оно будет выбрано сегодня, с точки зрения логистики. Но (я еще раз возвращаюсь) задача государства в данном случае – помочь с инфраструктурой и снять лишние барьеры для того, чтобы бизнесу было интересно. Тогда мы уйдем от того, что было у нас.

У нас же после Советского Союза стали образовываться «Перекресток» и так далее. Они стали внутри города делать свои небольшие и подвозить. Все это броуновское движение, пустующие заводские склады и так далее.

Вы знаете ситуацию с транспортом в Москве: ее нужно решать. Строительство СКАДа, которое здесь будет, поможет. 8 миллиардов долларов (неразборчиво, 49:29) дает в год.

Игорь Абакумов: Иван Валентинович, надеюсь, вы напишете статью для нас на эту тему. (Смех в зале). Она уже готова. (Аплодисменты). Спасибо вам большое, Иван Валентинович. Спасибо.

Я хочу сказать, что, кроме таких магистральных путей проникновения продовольствия в ту же московскую агломерацию, есть еще «муравьиные тропы». Это те же самые мелкие фермеры с пучком редиски. Еще неизвестно, какие тропы будут эффективнее в данном случае.

Я бы хотел предоставить слово академику-секретарю отделения экономики РАСХН Алтухову Анатолию Ивановичу. Сейчас фундаментальная экономическая наука.

50:52

Анатолий Иванович Алтухов, академик-секретарь отделения экономики РАСХН:

– Уважаемые коллеги, добрый день еще раз. Я хотел бы с вами поделиться своим соображением. Учитывая то, у нас сейчас заканчивается пятый год написания национального доклада, прочитав дорожную карту, сопоставив мнения разных ученых, разных практиков, мы пришли к такому выводу.

Уважаемые коллеги!

Безусловно, в современных социально-экономических условиях развитие сельского хозяйства происходит одновременно **противоречиво социально-экономической** ситуации.

С одной стороны, казалось бы, да – есть положительные моменты того, что внедряются новые технологии, приходят новые сорта, породы животных, складывается более четкая система государственного регулирования продовольственного рынка, его отдельных продуктовых сегментов.

Все эти позитивные процессы способствуют созданию основы для более полного обеспечения страны продовольствием.

Но с другой стороны. Сложившиеся неблагоприятные макроэкономические и погодные условия в сочетании с несоответствием заложенных в государственную Программу на 2008 – 2012-й годы значений индикаторов с имеющимися в сельском хозяйстве, выделенными для него финансовыми ресурсами не позволили в полной мере реализовать ее цели и решать задачи.

Из двенадцати (12) основных индикаторов были достигнуты прогнозные значения только по двум (2).

За пятилетие средний темп прироста валовой продукции сельского хозяйства составил 3,1% против 4%, определенных в государственной программе.

Удельный вес отечественной продукции в структуре общего ее потребления достиг 67%, он практически за пятилетие не менялся.

За годы реализации государственной программы, по сравнению с 2003 – 2007-м годами, импорт продовольственных товаров удвоился.

Доля пищевых продуктов в расходах граждан превысила 35%, что в 2 – 3 раза выше, чем в экономически развитых странах.

Оплата труда в сельском хозяйстве остается почти вдвое ниже, чем в среднем по экономике страны. Медленно развивается социальная инфраструктура сельских территорий.

Нерешенность системных проблем развития сельского хозяйства и агропродовольственного рынка хронически препятствует преодолению двух разнонаправленных тенденций. Они связаны, с одной стороны, с увеличением объемов государственной поддержки сельского хозяйства, который по-прежнему остается в несколько раз ниже, чем в экономически развитых странах. А с другой – с ростом импорта продовольствия, превышающим почти вдвое пороговое значение продовольственной безопасности страны.

53:20

Именно низкая доходность и высокая закредитованность сельскохозяйственных организаций, превышающая почти в полтора раза их выручку, неспособность аграрной сферы экономики обеспечить население собственным продовольствием усиливают вероятность проявления разного рода рисков, расширяют и обостряют перечень вопросов эффективного функционирования АПК и его базовой отрасли (сельского хозяйства) на всех уровнях управления.

Несмотря на приоритетное развитие сельского хозяйства (это вы сами знаете), продолжалось ухудшение макроэкономических показателей отрасли, поскольку сокращался удельный вес его валовой добавленной стоимости (неразборчиво, 53:56) финансовом результате, инвестициях в основной капитал, структуре расходов консолидированного бюджета.

54:04

Именно на решение этих двух фундаментальных проблем развития АПК, связанных с повышением доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей и обеспечением страны продовольствием, в основном, направлена государственная программа развития сельского хозяйства на 2013 – 2020-е годы.

Ее реализация будет происходить в более сложных, принципиально новых социально-экономических условиях.

В этой связи следует отметить, что дорожная карта развития сельского хозяйства России до 2020-го года представляет концепцию выхода аграрной сферы экономики из длительного кризиса, в котором она оказалась в ходе рыночных преобразований, экономического кризиса 2008 – 2010-го годов и аномальной засухи 2010-го года.

В ней дана довольно объективная оценка состояния современного сельского хозяйства и обоснованные меры, направленные на достижение целей его инновационного развития.

54:54

В целом дорожная карта развития сельского хозяйства заслуживает одобрения за системный подход к решению накопившихся в отрасли проблем.

Однако работа содержит и ряд дискуссионных положений.

К ним, на наш взгляд, можно отнести.

- 1.** Недостаточно четкое обоснование этапов перехода аграрной сферы экономики к более современной экономической модели развития с учетом новых условий, которые сложились в связи с членством России в ВТО, функционированием Таможенного союза и формированием Евразийского экономического союза.
- 2.** Отсутствие механизмов решения первостепенных задач, связанных с повышением доходности сельского хозяйства и обеспечением продовольственной безопасности страны.

Главная проблема, вызывающая и усиливающая многие существующие негативные тенденции в аграрной сфере экономики, связана с низкой доходностью сельского хозяйства. Вследствие этого основная часть сельскохозяйственных производителей не способна постоянно использовать достижения научно-технического прогресса для повышения эффективности и конкурентоспособности производимой ими продукции, осуществления технологической модернизации производства.

Как показали результаты наших расчетов, в перспективе в сочетании с малоэффективным регулированием межотраслевых отношений (когда продолжится существенный рост цен на основные виды материально-технических ресурсов, используемых в сельском хозяйстве) будет происходить дальнейшее падение его доходности.

Уже с 2016-го года реализация сельскохозяйственной продукции без учета субсидий станет убыточной. Убыточность составит 0,1%. А в 2020-м году она достигнет 6,3%.

Такая ситуация может привести к **недополучению(?)** продукции сельского хозяйства на 1 триллион рублей. Сократятся рабочие места и инвестиции, увеличится отрицательное сальдо внешнеторгового баланса продовольствия, уменьшатся доходы федерального бюджета, произойдет дальнейшая стагнация сельскохозяйственного машиностроения.

3. Третье, что касается дорожной карты.

В ней проработано, на наш взгляд, слабое обоснование перечня финансовых и других ресурсов для реализации поставленных целей и задач. Это делает прогноз обеспечения страны, например, зерном и молоком, их экспорта нереальным.

За пятилетие (2003 – 2007-й годы) выполнения госпрограммы прирост зерна составил всего-навсего 9,7 миллиона тонн. Из этих 9,7 миллионов тонн 2/3 ушло на экспорт, а 1/3 только на внутренний рынок. Отсюда сами знаете, какие у нас приоритеты.

Вообще следует отметить, что действительно с обеспечением страны продовольствием сконцентрировались и сплелись в сложный узел практически все проблемы современного функционирования аграрной сферы экономики вообще и сельского хозяйства в частности.

57:50

На наш взгляд, в дорожной карте недостаточно полно раскрыты механизмы стимулирования инновационного развития аграрной сферы экономики путем использования более эффективных, прозрачных инструментов, способствующих созданию условий для перевода отдельных отраслей АПК

на инновационно-инвестиционный путь развития. Это возможно только при полном финансировании.

Здесь я хотел бы сказать, что действительно именно инновационная привлекательность сельского хозяйства, вопрос роста его инвестиций остаются одной из самых главных проблем функционирования самого сельского хозяйства.

Дорожная карта развития сельского хозяйства России до 2020-го года и государственная программа на 2013 – 2020-й годы не решают всех проблем функционирования агропромышленного комплекса и агропродовольственного рынка страны по одной простой причине. Они, безусловно, не охватывают всех тех проблем, которые накопились в аграрной сфере экономики.

Их решение упирается в разработку новой государственной аграрной политики с учетом изменений, которые произошли и могут произойти в перспективе как в мировой, так и особенно в российской экономике. В первую очередь, в АПК страны.

Я бы хотел отметить, что как сложная многофункциональная динамическая система, включающая (извините за такую научную терминологию, но это действительно так) народно-хозяйственную функцию сельского хозяйства, аграрная сфера требует приоритетного внимания к своему развитию со стороны государства.

Но приоритет должен быть не разовым. А стать общей стратегией развития и финансироваться хотя бы в рамках, разрешенных требованиями ВТО. А это, как вы знаете, у нас 9 миллиардов долларов.

59:32

Сама отрасль должна превратиться в наукоемкий и высокотехнологичный сектор экономики. Только при таком условии рациональное использование огромного аграрного потенциала может снять практически все многочисленные вопросы надежного обеспечения населения продовольствием. Это окажет значительное положительное влияние как на доходность сельского хозяйства и экономику страны, так и на усиление ее экономического и геополитического положения в мире.

Решение вышеуказанных и ряда других проблем потребует дополнительной научной проработки, как мы знаем, дорожной карты развития сельского хозяйства России и выработки своевременных мер по дополнительной корректировке (неразборчиво, 60:07) положений.

Для этого целесообразно привлечь ученых отделения экономики и земельных отношений Россельхозакадемии, поскольку они имеют определенный многолетний опыт по разработке подобных материалов. Безусловно, с последующим обсуждением на Бюро отделения. Спасибо за внимание.

60:23

Игорь Абакумов: Спасибо вам, Анатолий Иванович. Если есть вопросы, пожалуйста.

Мужской голос: Я – Олег Степанович (неразборчиво, 60:34 – 60:36). Вопрос такого плана. Предыдущий докладчик сделал очень серьезное заявление о том, что разрушение крупных хозяйств и центр внимания крестьянских фермерских хозяйств небольших отрицательно влияет на производство, на все факты. Как ваше мнение.

Анатолий Алтухов: Я бы назвал, что сельхозорганизации имеют (заключенность?, 61:03), если в цифрах – около 1,9 триллиона рублей.

Мужской голос: Да не в рублях дело.

Анатолий Алтухов: Нет-нет, сейчас скажу. А мелкие (как сказать) – получается 72 миллиарда. Здесь речь идет не о том, чтобы отдавать приоритет крупным сельскохозяйственным предприятиям или мелким. Должно быть какое-то одинаковое относительно друг друга решение этого вопроса.

Мужской голос: Было четко сказано о том, что это разрушительный момент...

Анатолий Алтухов: Вы знаете, как вам сказать. Есть свои плюсы, есть свои минусы. Крупное сельхозпредприятие, поскольку оно на 80% производит зерно, производит практически всю сахарную свеклу... Есть ниши, например, в ЛПХ – картофель, овощи, мясо, молоко. Но это свои ниши.

Безусловно, в ЛПХ идет пока выживание. Но через пять-десять лет, может, совершенно не будет этого сектора. Потому что же уходит и население...

Мужской голос: ЛПХ – 49%?

Анатолий Алтухов: Примерно, да. 50%.

Мужской голос: Фермерские хозяйства – 7%, а 44% – это сельхозорганизации, которые, по идее, должны 80% **(неразборчиво)**...

Анатолий Алтухов: Это «по идее».

62:26

Игорь Абакумов: Я прошу извинить. Давайте в дискуссии мы потом поговорим на эту тему. Анатолий Иванович, спасибо вам большое. Еще есть вопросы? Больше нет вопросов. Спасибо, Анатолий Иванович, спасибо вам.

Я хочу рассказать одну историю. Здесь была маленькая попытка дискуссии «о крупных и мелких». Я хочу вам рассказать историю о том, как мы с **Константином Алексеевичем** 25 лет назад ездили в Голландию и провели там большую стажировку.

25 лет назад еще слово «фермер» было ругательным, из-за него можно было вылететь с работы. По крайней мере, в партийных органах, где мы работали.

Голландия на тот момент имела территорию такую же, как и сейчас: меньше Московской области. На тот момент, 25 лет назад, Голландия была третьим в мире экспортером после США и Франции. Там всего 40 тысяч фермеров. Там нет ни одного агрохолдинга!

Я это говорю не для сравнения: «Россия \ Голландия». Тем не менее, Голландия за эти 25 лет стала вторым в мире экспортером после США, обогнав Францию. Ничего ты с этим не сделаешь! Это объективный факт. Можно анализировать, можно ругаться, можно соглашаться, не соглашаться. Но это все равно, как спорить с тем, что «есть восход, а есть закат».

[Коллега из журнала «Эксперт». Я вас вынужден лишить права на вопросы, потому что вы, извините, мешаєте вести нам дискуссию. Прошу извинить меня].

В связи с тем, что Голландия все-таки к Петербургу ближе территориально, чем России... Я хочу предоставить слово **Давиду Берковичу Эпштейну**. Я

так понимаю, профессор, Северо-Западный НИИ экономики сельского хозяйства. Прошу вас.

64:28

Давид Беркович Эпштейн, профессор, главный научный сотрудник ГНУ СЗНИИ ЭСХ Россельхозакадемии:

– Я работаю в одном из центров, который занимается стратегией инновационного развития сельского хозяйства, в системе Россельхозакадемии, в рамках государственной тематики. Хочу доложить свое видение этой стратегии развития, наработанное за последние два года.

Общий тезис такой.

Все-таки у нас стратегии инновационного развития нет. Хотя есть, разумеется, ряд интересных документов. Первый – «Инновационная Россия». В ней слова «АПК» нет как такового. А здесь **(неразборчиво, 65:01)** упомянуто один раз, в числе всех прочих. Сектор, третий по важности, сельское хозяйство, легкая промышленность и так далее, которые должны «подтягиваться» в инновациях.

Хороший документ – «Программа развития сельского хозяйства». Но все-таки, по сравнению с предыдущим... Но и в нем есть недостатки. Прежде всего, это слабое финансирование и, соответственно, слабые показатели.

В качестве примера по инновациям. Предполагается за восемь лет, что с оказанием государственной поддержки сельскохозяйственные производители наши получают от щедрого государства 12 тысяч тракторов. Это – на 25 тысяч хозяйств. Еще 5 тысяч зерноуборочных комбайнов.

Что это за показатели-то! О каком инновационном развитии могла бы быть речь при такой господдержке, если бы сами сельхозпроизводители не делали то, что они делают.

У нас вообще инновационный рост измеряется количеством инновационных товаров, инновационных технологий. Только сегодня в «Российской газете» увидел, что есть такая методика: а что такое «инновационный товар». До этого было: что-нибудь поменял – и уже инновационный.

66:12

На самом деле, единственные реальные показатели инновационности – это рост производительности общественного труда и снижение затрат общественного **труда(?)** на единицу продукции. Если этим мерить...

Я произнесу некую речь, которая, в общем, противоречит тому, что до сих пор говорилось (хотя, на самом деле, ничего это не противоречит).

У нас идет очень мощный инновационный рост в сельском хозяйстве. Вот в этом смысле. У нас рост производительности труда в сельском хозяйстве, живого, 4% – 5% в год. Можете себе представить... 4,5% в среднем по России. В Белгородской области значительно лучше, где-то хуже. Но разница не столь большая между регионами.

В советское время мы только мечтать могли о таких темпах. Регулярно **(неразборчиво, 66:57)**. Затраты на убыль сельскохозяйственной продукции **(неразборчиво)** цен (которые, к сожалению, кроме меня и моей аспирантки, никто не считает) сокращаются в среднем на 4% в год. Вот почему, благодаря диспаритету, сельское хозяйство еще «дышит». Хотя средняя рентабельность, как вы знаете, порядка 9%, а субсидии – порядка 10% выручки. На самом деле, минус один у нас, по большому счету.

Конечно, в инновационном процессе существенную роль играет (это самая главная проблема) импорт. В основном, это импорт. Новая техника, новые технологии – оттуда. К сожалению, семена и племенные животные **(неразборчиво, 67:39)**.

То есть, это чревато потерей продовольственной безопасности и независимости.

В части инвестиций. При такой рентабельности какие могут быть инвестиции? Их нам показывают – в сопоставимых ценах рост очень высокий **вроде бы**. Восстановительная стоимость основных фондов (восстановительная, подчеркиваю, а не недостаточная, как у нас любят считать) – это 4% примерно.

25 лет обновление. А на самом деле надо хотя бы раз в десять лет обновлять основные фонды в сельском хозяйстве. Они же там очень динамичны. Там, здания – ведь не играют такой большой роли.

68:13

Что же необходимо.

Есть программа технического развития (о которой я сказал – у нее недостатки). Есть программа, разработанная преимущественно в Тимирязевской Академии – неплохой тоже документ. Но опять – институты, институты, институты. Нет анализа существующего положения и финансовая сторона практически не рассматривается.

Поэтому мы пошли в своих предложениях... Проанализировали все, что нужно, и увидели, что пробелов основных – три.

Во-первых, действительно, если создавать свои инновации (а наша Россия не может без этого обойтись), то нужно, в первую очередь, дефицит во внедренческом звене и в звене между прикладной наукой и созданием инновационного продукта как готового проекта, который можно хотя бы как стартап рассматривать. Пока до этого дело не дошло.

Недостаточное финансирование государством фундаментальной науки. Как профессор я такую цифру привожу все время. Получаю –15 тысяч. Меньше дворника в нашем дворе. На командировки – нет. Спасибо, организаторы прислали. На проведение совещаний – нет, на технику зарабатываем хоздоговорами и так далее.

Наконец, самое главное, конечно. Отсутствие средств у хозяйств в силу той низкой рентабельности. Рентабельность, грубо говоря, 20% хозяйств, на самом деле, по-хорошему рентабельной, они производят 80% от продукции.

Вот в чем наши основные проблемы.

69:50

Что необходимо для того, чтобы осуществить вот этот инновационный рывок. Во-первых, изменить макроэкономическую политику, о чем мы говорили на предыдущих заседаниях. До сих пор она... Как у нас двадцать лет говорили про необходимость борьбы с криминалом, а «реальных посадок» (как говорит Путин) не было. *(Смех в зале)*. Вот у нас двадцать лет говорят про аграрную политику, и еще, может быть, будут говорить. Но пока никаких шагов, «посадок», в сельском хозяйстве нет. Я имею в виду *(неразборчиво, 70:16)*. *(Смех в зале)*.

70:18

Игорь Абакумов: Нет, почему. Скоро будут. Ожидаем. Все будет.

Давид Эпштейн: Коллеги! Это первое. Второе. Необходимо, конечно, дополнить систему института (неразборчиво) развития. Третье – поднять роль и финансирование фундаментальной и прикладной науки. Наконец, создать с помощью доплат и льгот условия для стабильной рентабельности сельскохозяйственных производителей. Чтобы они могли приобретать инновационную технику, в том числе отечественную.

У меня достаточно много мероприятий, я с удовольствием их вышлю, в качестве доклада, текста или чего-то еще.

Все время (неразборчиво, 71:02) денег на науку. Нет, наверное, у государства. Мое предложение состоит в том, чтобы... А нужно в два раза поднять долю, дойдя до уровня европейского и американского, примерно где-то 1,5% - хотя бы 2% от ВВП из федерального бюджета финансировать. А сейчас под 0,5%.

На мой взгляд, необходимо:

- I. Налог на финансирование науки и инноваций в составе цены реализации тех видов продукции, где доля науки велика. 2% от реализационной цены товара, за вычетом НДС, обеспечили бы науку как раз повышение в два раза, рассчитано. 1% продовольствию в составе «товар-продовольствие» обеспечили бы полностью науку АПК (фундаментальную и прикладную).

Что еще необходимо существенно.

- II. Министерству сельского хозяйства нужно всерьез заняться списком эффективных инновационных технологий и их субсидировать не менее, чем на 50%, прямо производителю. Или другой вариант – с кредитом. Не проценты эти бесконечно субсидировать, когда в сумме проценты в результате в полтора раза уже превышают исходное тело кредита, которое потом никем не погасится. А прямо не меньше 50% давать на покупку техники. А уж вторые 50% должен производитель найти.

72:28

Игорь Абакумов: Давид Беркович, уже регламент.

Давид Эпштейн: Ну, что ж. Тогда остается поблагодарить.

(Аплодисменты).

Игорь Абакумов: Давид Беркович, спасибо вам большое. Я немножко продолжу вашу мысль о финансировании науки. Приходилось бывать в различных (как и вам всем, наверное, здесь сидящим) в западных и американских различных научных учреждениях. Например, Иерусалимский аграрный университет. Известный ученый с удивительным сочетанием имени и отчества (для России удивительным) – **Хаим Рабинович**, который изобрел *томаты черри*, маленькие. Это его разработка. Он их разработал по заказу ресторанов. Причем ресторанов быстрого питания – там, где в пластиковую упаковочку большой помидор не влезает, неудобно резать его. Вот, маленькие были бы помидорчики. Сделали – помидор черри.

Почему они его сделали, почему это прибыльно. Потому что разработчик в университете получает 40% от того, что получает университет за реализацию этой разработки.

Пишется договор. Причем в этой разработке участвует профессор – раз, аспиранты – два, студенты – три. Студенты записываются в патент. Студенты понимают, для чего они моют посуду в ресторанах, и платят за обучение. Они понимают, что они конвертируют свои знания в реальные деньги. Если, конечно, у них есть мозги и – умный профессор.

С чего начинает лекцию профессор Колорадского университета, который преподает (что бы вы думали) – разделку туши мяса. Он начинает свою лекцию, которая проходит вот в таком примерно зале, только это не аудитория, а холодильные камеры, и на тельфере туда ввозят тушу быка. Он стоит с двумя ножами и говорит: «Господа студенты. Сейчас я вас научу увеличивать стоимость этой туши в 16 раз».

Понимаете, студентов с таким качеством знаний нарасхват берет любая компания, любая фирма, потому что он ей принесет прибыль! Он ей принесет не знания, которые он якобы получил, теоретические. Помните, как в фильме «Полосатый рейс»: «Огузок, бедро, грудинка. А это, товарищи, хвост». У нас

же до сих пор (вы же все на рынок ходите) туши разрубают. Их давно никто не разрубает. Их только режут, отделяя волокна буквально. В 16 раз увеличивается стоимость туши!

Этому учат в университете. Поэтому, прежде чем говорить о качестве образования, надо сначала научить тех, кто учит. Видимо, так.

Давид Эпштейн: Ко мне нет вопросов?

Игорь Абакумов: Есть вопросы к Давиду Берковичу? Пожалуйста.

75:19

Анатолий Алтухов: Давид Беркович, понимаете, какая ситуация. Как вы сами знаете, Закон «О развитии сельского хозяйства» требует, чтобы был Национальный доклад. В Национальном докладе есть экспортное заключение. Есть ли какие-то соображения у вас, нормальные? А не то, что когда будет готов документ, и потом его надо как-то обсуждать. Это, безусловно, не нужно. Но если у вас есть какие-то дельные соображения – ради Бога, пожалуйста, присылайте ваши замечания.

Давид Эпштейн: Анатолий Иванович. Раз в год отчитываюсь и посылаю.

Анатолий Алтухов: Это не знаю, это не значит, что вы перед кем-то отчитываетесь. Здесь совершенно другой документ. Спасибо.

Давид Эпштейн: Я хотел сказать, что для решения проблемы зерна есть только один (а всего остального **неразборчиво, 76:00**) и очень простой путь. Вот эту систему госзакупок и госинтервенций, которая с помощью **Скрынник** сведена к симулятору (было слово такое сегодня – «имитация»), нужно дополнить реальной доплатой со стороны государства всем продавшим реальное зерно до уровня цены, обеспечивающей рентабельность для расширенного воспроизводства зернового производства.

Вот ушел **Боркунов**. Но посчитана была такая (**неразборчиво, 76:30**). Вот и все. Собственно, я это и написал.

Игорь Абакумов: У Ивана Валентиновича вопрос.

76:37

Иван Стариков: У меня, Давид Беркович. И к вам вопрос, и к коллеге. Давайте очень коротко и ясно. Вы же знаете, что сегодня задолженность сектора примерно миллиардов на триста больше объема годовой выручки.

Игорь Абакумов: Иван Валентинович. Если я не ошибаюсь, это 1 триллион 400 миллиардов.

Иван Стариков: Да. Но вопрос в том, что...

Игорь Абакумов: 700 уже?

Реплика из зала: 900 уже почти.

Игорь Абакумов: Уже 900? Я отстал.

Иван Стариков: С тех пор банк вошел в очередное «смертельное пике». Было очень серьезное поручение Президента в адрес ЦБ и Правительства по поводу просроченной задолженности. Я не буду сейчас комментировать качество команды. Но объективная **задача(?)** состоит в том, что сегодня залоговой массы-то ведь нет. Значительная часть лучших заемщиков из «Россельхозбанка» ушла в «Сбер». Из 7,5 триллионов рублей всего кредитного портфеля «Сбера» 800 миллиардов – сельхозкредиты.

Греф обязательно введет отраслевые лимиты, потому что риски нарастают. Вроде банк для других целей.

«Россельхозбанк» не может кредитовать из-за его проблем. В итоге, у нас, на самом деле, ни одного института нет. Ведь нужно принимать решение. Вот сейчас **Набиуллина** говорит: нужно вводить землю в экономический оборот и рынок земельных закладных формировать. Как длинные активы, под которые идут длинные пассивы. Но почему предложения нет этого?

По Национальному докладу. У меня огромные претензии. С 2008-го года всю статистику от Росстата передали отраслевому ведомству. Я-то думал, что у нас главная военная тайна – это коды пуска ядерных ракет. Ничего подобного! Это в разрезе региона и хозяйств по отраслям данные. Попробуйте у **Зверева** их вытащите. Как я могу, в том числе, если вы меня привлечете сделать Национальный доклад, если я не могу получить исходных данных? Или вы отдайте их Росстату обратно, или рассекретьте.

Игорь Абакумов: Иван Валентинович. Вы как центр-нападающий хоккейной команды – вас трудно остановить. (*Смеется*).

Иван Стариков: Потому что пустой будет Национальный доклад.

Игорь Абакумов: Это не пустые слова. Иван Валентинович действительно мощный хоккеист. Я хочу предоставить слово президенту компании, которая совмещает в себе и производство (в частности, сельскохозяйственной техники), и ее конструирование (то есть и производство, и науку). **Людмила Орлова.**

78:55

Людмила Владимировна Орлова, генеральный директор ЗАО «Евротехника»:

– Спасибо большое, Игорь Борисович. Я хочу вам процитировать **Эйнштейна**, который сказал: «Вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните то мышление и тот же подход, который привел вас к этой проблеме».

Мы сейчас говорили о науке. Конечно, как мы можем помочь сельхозпроизводителям... Во-первых, о финансировании науки – конечно, это один вопрос. У нас один из ректоров сельхозвузов, который побывал в Голландии, в Вагенингенском университете, приехал и сказал: «Знаете, я думал, разница в развитии, ну, в финансировании составляет, как “Mercedes” и «Запорожец». Но когда там побывал, я понял, что разница – как “Mercedes” и велосипед.

Еще я все время сетую на гранты. У меня столько много интересных технологий, которые я хотела бы испытать. Я являюсь президентом **Движения сберегающего земледелия**, которое сэкономит огромное количество денег. Но НИОКР получить на оборудование невозможно. НИОКР дают вот так вот, по чуть-чуть. Это давняя уже практика ведется, никто ее не хочет сменить. Только из интернета можно вытащить, что-то напечатать – вот на НИОКР можно так сделать.

А ведь нам надо опыты проводить, исследования. Нам нужно в поле выходить. Нам нужно новые машины применить, новое оборудование и техники. И это невозможно. Один раз в своей жизни это сделал с

нарушением правил. Губернатор Титов, спасибо ему огромное. Мы завезли оборудование для точного земледелия, адаптировали его, исследовали и начали предлагать сельхозпроизводителям. После этого в России пошло точное земледелие в сельскохозяйственное производство.

Реплика: А Титова чуть не посадили.

Людмила Орлова: Это за другие вещи!

Игорь Абакумов: Он был добрый человек. Пожалуйста, Людмила, продолжайте.

80:53

Людмила Орлова: Но вот в этом он помог. Здесь много говорили о потере, об экологическом сельском хозяйстве вопросы были. Но один из самых главных вопросов, от которых зависит наша жизнедеятельность – это состояние природных ресурсов. Мы об этом молчим.

Нашими архаичными технологиями мы угробили 60% наших сельхозугодий. Оно подвержено эрозии. Каждый год 500 тысяч гектар у нас подвергается эрозии больше. Я не говорю уже о засоленных, закисленных, заболоченных почвах и отравленных радионуклидами.

Ежегодные общие потери России из-за неэффективной технологии, логистики (о которой Иван Валентинович говорил) составляют 40 миллиардов рублей. Посмотрите, сколько мы теряем только из-за того, что не применяем эффективные технологии.

Потери риска – по ситуации ВТО.

У нас недавно в Самарской области было совещание. Пригласили, рассказали о субсидиях. 275 рублей на гектар, 100 (неразборчиво, шум, 82:20) минеральные удобрения, прочие семена, еще какие-то спецсубсидии (брак звука). Сельхозпроизводители посчитали. Говорим: «Ну, как?». Они говорят: «Вы знаете, это даже меньше, чем в прошлом году». Вот, снижали цены на ГСМ. Это только вот это не покрывает, даже цены на ГСМ, не говоря, что там были уже дополнительные субсидии на семена, на технику и так далее.

Еще если говорить о субсидиях.

Прошлогодние субсидии, которые до этого были, до вступления России в ВТО. Я посчитывала, они покрывают только недостачу в цене, которую имели наши сельхоз производители. По тем или иным причинам наши сельхозпроизводители где-то недобирали 30% – 40% в цене. Это задача, которую никто не хочет видеть и решать.

Я не буду останавливаться на производительности. Мы говорили о том, что минеральные удобрения не применяются в России.

83:23

Игорь Абакумов: Так это же наше преимущество – экологически чистое производство.

Людмила Орлова: Нет, это то, что ведет к эрозии почвы, и то, что ведет к тому, что мы теряем ограниченные природные ресурсы. Хотя у нас, правда, на 40 миллионов больше, чем у **(неразборчиво, 83:38)**.

Игорь Абакумов: Не относитесь так серьезно – это была шутка.

Людмила Орлова: Я не отношусь, я просто реагирую. У нас единственная страна, в которой 40 миллионов – вот эти гектары есть. Если вспомнить Эйнштейна, мы как раз должны поменять... Вы говорите, у нас хорошая госпрограмма. Да. Но у нас не сформирована цель в госпрограмме. Мы собирались бизнесом и думали: ну, как же правильно сформировать цель.

Попробовали ее вот так сформировать: *максимальное использование аграрного потенциала России на принципах экологической и экономической эффективности. (Это никогда не ставилось во главу угла российским Правительством, Министерством сельского хозяйства России). С обеспечением доходности и конкурентоспособности сельхозпроизводителей. Для удовлетворения внутренних нужд, и уже потом развитие экспорта.*

Я думаю, это очень хорошая формулировка. Если она будет в госпрограмме России, законе России – она как раз поможет нам выработать меры, позволяющие достигнуть этой цели.

Мы много говорим о коррупции. Но действительно мер не применяется. Мне кажется, первой мерой должна быть борьба с коррупцией, в том числе, в сельском хозяйстве.

Ведь ни для кого не секрет, что очень много разрушенных холдингов. Выдавали кредиты – они брали дешевые кредиты, вводили деньги, а потом разрушались. Правильно говорят: никого не посадили. Все они как-то избавляются и работают, с украденными миллиардами. Никого не посадили.

Еще. Нужна аграрная политика, конечно, в целом, и аграрная технологическая политика, на основе опять-таки экологической экономической эффективности на всех этапах производства. Новые формы поддержки в рамках «зеленой корзины» ВТО, которые мы не разработали еще до сих пор.

Нужно стимулирование продукции, которая именно сейчас требуется на рынке. Ведь у нас нет тех семян, тех пород, которые нужны для рынков в большом количестве, чтобы мы могли предложить сельхозпроизводителям. Сам рынок недоступен отечественному сельхозпроизводителю (сеть и так далее). Пока этот вопрос не будет решен, мы так и будем ходить по кругу.

Информационной политики нет.

86:14

Игорь Абакумов: Об этом отдельный доклад будет.

Людмила Орлова: Да. Стратегия инфраструктуры рынка – это то, что недоступно у нас. У нас нет стратегии на цены. Мы, сельхозмашиностроители, зачастую зависим от цен. Цены нормальные – и мы живем. Цены плохие – и мы все «падаем». Так же, как сельхозпроизводители в целом.

Еще хотела сказать о роли неправительственных организаций. На самом деле, был вопрос – нет министерства. Знаете, почему министерства нет. Потому что мы сами, аграрники, слабы. Мы не объединяемся. Мы не думаем о своих интересах. Вот вступили в ВТО, и все думают: «Ах, пронесет». А не пронесет.

Игорь Абакумов: Почему. Уже пронесло. *(Смех в зале)*. Многих.

Людмила Орлова: Это не «пронесло». Это только начало. Начало **(неразборчиво, 87:01)**, с минимальными субсидиями, с высоким ростом, диспаритетом цен. Будут разрушаться сельхозпредприятия. Но здесь нет

роли государства в том, чтобы продвигать информацию по ВТО. С другой стороны, нет вот этой ответственности сельхозпроизводителей за себя, свои земли и свой бизнес.

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое, Людмила Владимировна. Давайте поблагодарим. (*Аплодисменты*). Скажите, пожалуйста, Борис Ефимович Фрумкин здесь?

Борис Фрумкин: Здесь.

Игорь Абакумов: Борис Ефимович, прошу вас. Борис Ефимович Фрумкин, зав сектором АПК Института экономики Российской академии наук.

87:45

Борис Ефимович Фрумкин, зав сектором АПК Института экономики Российской академии наук:

– Чем мне понравилось, в частности, представленная дорожная карта. Тем, что она, в отличие от пускай и неплохой государственной программы, содержит именно те три блока (если мы не берем отраслевой, без социального **неразборчиво, 88:02**), которые оправдали себя у наших соседей (**неразборчиво**), которые живут чуть-чуть западнее Белоруссии. В отличие от нашей аграрной политики, там аграрная политика (в Европейском союзе), ее цели, принципы и даже некоторые механизмы не меняются 51 год.

Впервые на следующую семилетку в Евросоюзе намечено абсолютное уменьшение расходов на аграрную политику – аж на 12%. Но при этом сельское хозяйство, которое дает 1,8% ВВП 27 странами Евросоюза, и 5,3% занятость потребляет и будет потреблять в следующей семилетке 38% расходной части в бюджете Европейского Союза.

У нас, где эти доли в два с половиной раза выше, из федерального бюджета на сельское хозяйство по государственной программе выделяется 1,4%. При том, что у нас (**неразборчиво, 89:07**) гораздо больше, доля в 27 раз ниже, чем в Европе.

Тут уже, как в (**неразборчиво, параллельные голоса, 89:14**) бюджетной программе говорилось, «размер имеет значение». Такой разрыв не может быть преодолен никакими другими мерами.

Если эта отрасль, которая, по определению, должна финансироваться централизованно, и вне рыночных методами не финансируется – она не может подняться. Тем более, что в Европейском Союзе не стоит задача повышения производства продукции, за исключением высокобелковых продуктов.

Стоит задача только... Как там сформулировано.

1. «Обеспечить жизнеспособное сельское хозяйство, достаточную продовольственную самообеспеченность». Это первая задача.
2. Вторая задача. «Обеспечить устойчивое использование наличных природных ресурсов и адаптацию к изменению климата».
3. Третья задача. «Обеспечить гармоничное развитие сельского хозяйства по всей территории Европейского союза».

При этом не на словах, а на деле вот эта новая реформа общей сельскохозяйственной политики составляет реальный элемент общей стратегии социально-экономического развития Европейского союза «Европа 2020» по повышению темпов роста обеспечения устойчивости и занятости.

Хотя полностью занятых 12 миллионов человек, но считается, что связанные с сельским хозяйством люди в аграрных регионах – это 40 миллионов человек. А 40 миллионов человек – это почти 18% трудовых ресурсов Европейского Союза. Без стабильного развития этой отрасли, соответственно, не будет этой занятости.

90:44

По первому вопросу. Так же, как написано здесь, на странице 10, в двух первых блоках дорожной карты. Предусмотрено субсидирование сельскохозяйственных производителей и регулирование рынка.

Причем на это дело тратится примерно 75% всех средств. Из них 70% идет именно на прямую поддержку. Не на кредиты, которые крестьяне должны брать сами по себе – а на то, чтобы обеспечить любому нормально работающему сельхозпроизводителю нормальное существование.

Разрывы в этих вставках были велики, сейчас они будут выравниваться. Хотя общие расходы сокращаются, но минимальная официальная субсидия

погектарная будет увеличена. Она будет 196 евро на гектар. Это, значит, примерно 75% от (неразборчиво, 91:38).

Те, которые получали много (например, даже незаслуженно – как греческое сельское хозяйство), будут получать меньше. Те, которые получали меньше (как страны Балтии и Польша), будут получать больше.

Рыночное регулирование. Интервенция государственная в таком плане, как она была раньше, заменяется такой специальной «сетью безопасности» (как они это называют), то есть частным хранением дополнительной, излишне полученной продукцией, которое государство оплачивает, потом это можно продать.

Плюс дополнительные (тоже тут написано) формы создания спроса.

- Это и поддержка бедных (2 миллиарда 100 миллионов евро на все).
- Это и бесплатное молоко в школе (8 миллионов школьников получали не только молоко, но и йогурт, сыр и так далее).
- Это раздача в школе фруктов. Причем все это – только от «отечественного» производителя (в смысле, от производителей из стран Европейского союза).

Даже некоторые старые методы, которые должны быть отменены (квота на производство сахара, снятие ограничений на новые виноградники) – все продлено до 2020-го года, чтобы только не нарушить вот это (неразборчиво, кашель, 92:59).

Поэтому все это финансируется полностью и исключительно за счет бюджета Европейского союза. Социальные вопросы, которые решаются в рамках политики развития села (так называемая «вторая опора»), финансируются совместно из бюджета Европейского союза и национальных бюджетов. Минимум – 20% из бюджета ЕЭС. Но такой минимум никогда не соблюдается, обычно 50%, от 50% до 100% (если какая-то страна).

93:28

Второй момент. Рациональное использование ресурсов.

30% денег, которые отпущены на субсидии, выдаются только при условии того, что фермер выполняет требования по (неразборчиво, 93:42) продукции.

Эти требования, в принципе, можно выполнить. Они не требуют больших капитальных вложений. Это просто изменения структуры посевов и вообще использование сельхозугодий.

Возделывать не менее трех культур. 7% имеющейся площади выводит на отдых: чистые пары, луга держать, постоянные пастбища, некоторые небольшие участки для того, чтобы там сохранить биоразнообразие (пчелы могли летать, **(неразборчиво, 94:10)**).

И то для мелких крестьян (площадью фермы до 10-ти гектар) это не нужно – они будут получать 100% субсидий без вот этих всех **озеленных** сложностей. А для крупных, наоборот, вводится максимум субсидий, которые они могут получить: 300 тысяч евро, и это уже **потолок**.

Последнее. Третье направление – вот это гармоничное развитие по всей территории (как тут правильно сказали). То же самое – для России. Кто-то сказал, я уже не помню, но очень хорошо: «Россия – не там, где стоит ее солдат, а там, где пашет ее крестьянин».

Вот в Европейском союзе это все реализуется. С помощью специальных доплат мелким фермерам (до 10% национального пакета можно давать). Для специальной помощи молодым фермерам, чтобы они входили в производство (до 2% – тоже, кстати, деньги неплохие). Для развития альтернативной занятости: 70 тысяч евро минимум можно получить на проект альтернативной занятости (если докажет, что он хороший).

Естественно, помощь фермам, которые находятся в отдаленных районах, **(неразборчиво, 95:21)** условиях.

Что там говорить. На выращивание бананов в Европейском Союзе ежегодно выделяется 40 миллионов евро. Есть там пара-тройка островов, на которых эти бананы растут. Этим производителей надо еще поддерживать. Я уж не говорю о козоводстве, овцеводстве и так далее. На все это выделяются деньги дополнительные к тому, что они получают как обычные **(неразборчиво, 95:42)**.

Все эти направления могут быть реализованы (может быть, не в такой степени). Но направления эти есть, и их надо четко прописать, и с достаточным финансированием развития **целевой** программы и так далее.

96:01

Еще два нововведения, и на этом я заканчиваю.

Чтобы окончательно уже сохранить внутренний рынок от всяких потрясений (вроде скандалов с лошадиным мясом или что-нибудь), специально создается фонд 2 миллиарда 800 миллионов евро, чтобы вот такие резкие кризисные явления на внутреннем рынке Евросоюза купировать.

А для того чтобы произвести очередной технологический рывок в сельском хозяйстве, потому что давно уже Европейский союз (я имею в виду западные страны, восточные еще немножко растут) вышел на такое **плато**.

Урожайность в основных странах (скажем, во Франции – зерно не растет, удой не растет) они достаточно высокие. Но при нынешних технологиях они уже такой отдачи не дадут. А наращивать традиционную индустриальную модель они не хотят, потому что и так уже надо охранять ресурсы.

96:54

Там было принято: удвоить расходы на научные исследования и их внедрение. До 4-х миллиардов евро на это дело выделяется.

Чтобы не было вот такого (о чем говорил Иван Валентинович): непонятно, кто внедряет, что и так далее, создается специальная такая новая система. Называется «Европейское инновационное партнерство». Она объединяет всех – и тех, кто разрабатывает, и тех, кто заказывает, и тех, кто привлекает деньги, и так далее.

По всему Европейскому союзу, с национальными особенностями. Поляки могут работать во Франции, французы – в Голландии. Но вместе они делают такую большую систему.

Мне кажется, что не надо от этого замыкаться, и некоторые решения вполне можно сюда внести. Первое из этих решений будет, конечно, опережающее реальное финансирование этих всех направлений. «Из ничего и выйдет ничего», как Шекспир говорил. Спасибо.

(Аплодисменты).

Игорь Абакумов: Спасибо вам. Есть ли вопросы? Сейчас мы завершили теоретически-академическую часть наших дискуссий и переходим к практической. Из практиков у нас здесь два человека.

Один из них возглавляет хозяйство – единственное в России, которое сохранилось вблизи крупного мегаполиса (Москва). Хозяйство сохранило свой бренд. По-моему, с бренда получают уже ренту. Бренд называется «Совхоз имени Ленина». **Павел Николаевич Грудинин**, Московская область. (*Аплодисменты*).

98:38

Павел Николаевич Грудинин, директор ЗАО «Совхоз имени Ленина»:

– Начну с того, что действительно, прочитав дорожную карту, думал, что, конечно, **(неразборчиво, 98:49)**, и есть желание исправить что-то... «*З'їсть-то он з'їсть, та хто ж йому дасть*». (*Смех в зале*). К сожалению, здесь ни Министерство, ни люди, которые вроде бы отвечают за внутреннюю политику, особенно за аграрную политику...

Игорь Абакумов: Так мы и отвечаем, Павел Николаевич.

Павел Грудинин: Мы с вами отвечаем совершенно за другое, потому что **(неразборчиво, параллельно голоса, 99:07 – 99:14)** главное, что если в странах ЕС, например, поддержка осуществляется из бюджета ЕС, а в США – из федерального бюджета, и запрещено из Штата помогать **(неразборчиво, 99:24)**. У нас, к сожалению, другая система.

У нас субъекты Федерации почему-то отвечают и за сельское хозяйство, и за политику. Это, в принципе, неправильно, потому что продовольствие не имеет границ, не должно иметь границ.

Поэтому у нас богатые (более-менее богатые субъекты Федерации, хотя их немного) вроде как больше помогают. Или губернатор что-нибудь понимает в сельском хозяйстве – он начинает помогать. А если у тебя губернатор ничего не понимает, или денег у него нет – то он, хочешь, не хочешь – не помогает.

А система софинансирования привела к тому, что федеральные деньги, которые якобы выделяются, даже не используются, потому что у них нет в

субъекте Федерации ресурсов. Это категорически абсолютная ошибка, на мой взгляд. Она должна быть исправлена.

Вообще все наши ошибки лежат в стадии законодательства.

Наш учитель (к сожалению, ныне умерший – Борис Абрамович Черняков) говорил о том, что невозможно иметь закон 15 страниц (Закон «О развитии сельского хозяйства»). Напомню, что в США он был 700 страниц (неразборчиво, 100:21). Оценочные нормы в программу развития сельского хозяйства, которые тоже ничего не решают. Все это – в бюджете, который никто не поймет. На самом деле, когда ты приходишь за якобы обещанными тебе деньгами, тебе говорят: «Слушай, ну, нет денег».

А вот американский или европейский фермер придет и выиграет суд в любом случае, потому что в законе прописаны все нормы поддержки. Не выдать этому денег – это значит нарушить закон.

В результате получается, что сама система поддержки сельского хозяйства – на самом деле, популистская. Она не предлагающая ничего и не гарантирующая ничего. Абсолютно правильно было сказано, что при нищем населении, когда йогурт – лакомство, заниматься эффективным сельским хозяйством невозможно.

Отсутствие покупательной способности у населения – это отсутствие возможности продвижения вперед.

101:16

Еще раз говорю. Мы никогда не выдержим конкуренции с ВТО и со всеми (даже с белорусами), если у нас разные нормы поддержки. Белорусы на сегодняшний день нас обыграли в Таможенном союзе полностью. Казахи – тоже, учитывая их налогообложение, возможности.

Мы сейчас находимся в ужасном состоянии.

С одной стороны, это удар со стороны Таможенного союза. С другой – удар, который наносит нам ВТО. С третьей стороны – абсолютно, скажем так, некомпетентная, на мой взгляд, политика. К сожалению (тут можно, наверное, об этом говорить), новый министр разрушил старую систему, но до сих пор нет порядка в финансировании. Ни того, ни другого, ни третьего.

На Форуме субъектов Федерации (**неразборчиво, 101:58**): «Слушайте, а мы не можем принять свои порядки, потому что федерального нет». Федерального нет – значит, нет и поддержки, в принципе.

Мы можем сколько угодно называть кредитование сельского хозяйства поддержкой, но оно таковым не является. Любой наш конкурент (а теперь мы в странах ВТО, это конкуренция) имеет 2% – 4% годовых, без всяких «якобы поддержек», и плюс еще на 20 – 40 лет. А у нас – на восемь.

В какой системе мы сейчас находимся, как мы выйдем на конкурентную борьбу с теми же литовцами, латышами, с кем угодно, вплоть до той же Украины. Мы не сможем этого сделать.

Понимая сложившуюся ситуацию, понимая, что у нас есть только одно – активность. Мы надеемся всю жизнь на лучшее. Мы надеемся на то, что все-таки когда-нибудь нас заметят. А я думаю, что все мы будем живы до того момента, пока цена на нефть упадет – и тут нас все заметят. Как 1998-й год, когда: «Ой, смотрите, вот они, еще есть какие-то. Давайте (**неразборчиво, кашель, 103:06**)».

Но к сожалению, мы... Это же такая вещь. Мы можем, конечно, быстро провести мясо бройлера какого-то. Но для молока мы увеличить сразу объемы не сможем, это понятно.

А у нас действительно технологическая отсталость. Я согласен с **Петриковым**, который говорил как-то: «Смотрите, что творится. Мы же не продаем сельхозтехнологии. У нас этого нет ничего. У нас «отверточная сборка» в сельском хозяйстве. Мы покупаем импортные машины, импортное оборудование, импортные пестициды/гербициды, семена – и здесь якобы «производим». Технологическая отсталость – это самое страшное.

Поэтому... Опять же, как говорил Борис Абрамович Черняков, в Америке написано: «Финансирование сельскохозяйственной науки – сколько попросят». Не просто какие-то суммы в бюджете, а сколько необходимо.

Пока мы находимся в той стадии, когда у нас юрист-министр сельского хозяйства сменил кардиолога-министра сельского хозяйства, я думаю, что так у нас не будет.

А мы оптимистично(?) всех приглашаем в «Совхоз имени Ленина», у нас лучшая земляника в мире, **(неразборчиво)**. *(Смех в зале, аплодисменты)*.

104:20

Игорь Абакумов: Я попрошу Павла Николаевича: уже сидя, расскажите, пожалуйста, о своем хозяйстве. Сколько гектаров, что вы производите. Просто всем это будет сейчас интересно. Сколько вы получаете субсидий от бюджета.

104:37

Павел Грудинин: Давайте так. 95 лет «Совхозу имени Ленина» в этом году. *(Аплодисменты)*. Мы вообще-то хозяйство, которое было создано на землях коллективных садов москвичей, еще в 1918-м году.

Игорь Абакумов: «Шестисоточки» так называемые?

Павел Грудинин: Да. Всегда мы были производителями плодово-ягодной продукции. У нас крупнейшая плантация земляники в России. На сегодняшний день – 130 гектар. Кстати, надо отдать должное. В этом году мы произвели 15 тонн с гектара земляники. Это выше европейского показателя.

Реплика: Какой район?

Павел Грудинин: Это Ленинский район Московской области.

Игорь Абакумов: Самая граница Москвы и Московской области.

Павел Грудинин: Да. Но могу сказать, что мы последние 17 лет занимаемся еще овощеводством. Добились достаточно хороших результатов. Картошки у нас 140 гектаров, мы производим 415 центнеров с гектара. Мы применяем английские технологии, не голландские.

Игорь Абакумов: Мы вас простим.

Павел Грудинин: Они позволяют нам получать самую высокую урожайность в Московской области (и моркови, и капусты, и картошки). Поэтому очень хорошо знаю, кстати, систему, в которую мы сейчас попали с овощами. Могу сказать, что овощеводы – это отрасль, которая иногда получала в год 100% рентабельности. На рубль вложенных денег – рубль

продукции. Овощеводство, к сожалению, у нас сейчас приносит убыток. Вступление в Таможенный союз Белоруссии, отсутствие границ и возможности их наращивать, и гарантировать всем крестьянам рынок сбыта в Россию привел к тому, что мы оказались в проигрыше.

У нас молочное стадо – порядка 900 голов скота. Из них 393 коровы. Оно производит у нас 8140 литров на корову в год. То есть у нас достаточно высокая эффективность производства животноводства.

Мы продаем все фирме “Ehrmann”. Сейчас вот **(неразборчиво)** в “Danon”, потому что “Ehrmann” дешевле платит, и **вышшее** европейское качество молока. Но молоко через мясо дает убыток. Мясо говядина, к сожалению, это дорогое мясо, и оно – побочный продукт, который...

Но, поскольку средняя зарплата в «Совхозе» 56 тысяч рублей (а у нас работает 326 человек), поэтому эффективность у нас **не такая сложная**.

Но, в принципе, хозяйство достаточно динамично развивается. У нас еще есть завод по переработке, мы производим соки марки «Удачный» из своего сырья, потому что мы еще яблоки производим, малину, немного черешни.

В общем, такое хозяйство, многоотраслевое. Я слышал, поскольку мы больше двух видов продукции производим – в Европе мы получали бы субсидии.

Борис Фрумкин: И удои у вас выше, чем в среднем в Евросоюзе.

Павел Грудинин: Да. Поэтому такое хозяйство... Нам есть чем гордиться. Приглашаю всех **(неразборчиво, 107:24)**. *(Аплодисменты)*.

107:24

Игорь Абакумов: Борис Ефимович. Я вам еще одну вещь скажу. Павел Николаевич буквально два месяца назад сдал в эксплуатацию детский сад. Государство не дало ни копейки, ноль. Построил сам. Сколько потратили, Павел Николаевич?

Павел Грудинин: Ну... **(Неразборчиво, тихо, 107:38)**.

Игорь Абакумов: Ладно, не будем. Не будем говорить, сколько потратили. Но деньги заработанные свои. Местная власть пришла, сказала: «Как хорошо! Замечательно!».

Мужской голос: Программу Воробьева выполняем предвыборную – ликвидировать очередь в детские сады.

Игорь Абакумов: Да. Но это не считая бассейна крытого, школы, стадиона, это не считая многих вещей. Люди в «Совхоз» из Москвы едут на работу записываться. Спасибо, Павел Николаевич. Нет вопросов к Павлу Николаевичу?

Женский голос: А клубника это не ваша здесь была?

Игорь Абакумов: Нет, это турецкая. Сейчас я предоставляю слово **Василию Александровичу Мельниченко**. Это человек, которого вы уже видели на Пленарном заседании. Он рассказал о своих доярках, которые с интересом обсуждают события, происходящие на Кипре.

108:42

Василий Александрович Мельниченко, глава хозяйства ЗАО «Галкинское»:

– Я – председатель сельскохозяйственного предприятия. Это Свердловская область, глубинка, 133 километра от Екатеринбурга. Занимаемся – овощи, мясо выращиваем. Коров перестали доить лет семь назад – очень невыгодно стало уже.

Сторонник многопрофильного производства на селе – иначе бы вообще не выживал.

Председателем колхоза стал в 1987-м году.

В 1992-м году наш поселок Рассвет объявил бы о построении коммунизма в поселке (ну, так придумали себе). Было очень выгодно работать. У нас, кроме фермы и свинофермы (естественно, растениеводства), работали подсобные цеха – пекарня, мельница, кондитерский цех. Магазины были. Денег хватало на все. Строили сами дороги без помощи государства. В общем-то, особенно в субсидиях не нуждались на то время.

Как-то все рушилось в начале 1990-х годов. В 1998-м году нам это хозяйство успешно сожгли, потому что мы отказывались платить за «крышу». Крышу отремонтировали – не поняли, что хотели с нас. *(Смех в зале)*. Нас сожгли, в общем.

Четыре года назад я взял большую брошенную территорию – **Галкинское хозяйство**. Знаете, опять же на ту же практику пошел. Ждать особо не жду ни субсидий, ни дотаций. Во-первых, очень тяжело оформлять это все. Тем более, если небольшое производство, то даже смысла нет держать отдельно бухгалтера, чтобы вовремя сдать, вовремя получить все. Достаточно невыгодно работать с Министерством сельского хозяйства, с управлениями по вот этим дотациям, субсидиям.

Поэтому тоже начал с того, что сразу тут же – придорожное кафе, которое, к сожалению, пока единственная прибыльная часть – до 500 тысяч в месяц дает прибыли. Это трасса Тюмень – Екатеринбург. И ферма – овощи.

Овощи до прошлого года всегда были прибыльные. Всегда. Пусть даже в засушливые годы немножко, но были прибыльные. Мы не могли даже думать, что картошка, свекла и морковь может дать убыток когда-то.

Прошлый год показал: смысла выращивать нет.

С этого года вообще очень страшно становится с тем, что централизуется закупка через главного ресторатора России – сейчас на ГУФСИН и на армию он выиграл все. Теперь все миллиарды уйдут в московскую фирму.

Какое отношение теперь российское село будет иметь к кормлению армии, всего – я, конечно, не совсем понимаю!

Что думаю.

Завод строим тоже. Понимаете, надо хоть с чем-то селу выживать. Но я не совсем, что вот, «я кормильцем должен быть и все». Я живу в селе – и я должен иметь деньги. Поэтому мне уже все равно, чем заниматься, лишь бы хотя бы иметь деньги. Я сторонник того, что надо развивать многопрофильные – если мы хотим сохранить сельские территории.

Фрумкин говорил про хорошие деньги – в Европе дают столько-то, два миллиарда туда, два – туда. Что – теперь переезжать туда, что ли? Как все забрать-то? Не получается.

(Реплики неразборчиво в зале, смех).

112:04

Игорь Абакумов: Хорошая история. Надо присоединиться к ЕС.

Василий Мельниченко: Мне тут Павел Николаевич тоже сказал. Говорит: «Вот, один министр был массажист, другой министр стал юристом». А я тоже, думаю: может, лучше проктологов надо было взять? Делали бы также, но хоть профессионально – то, может быть, ничего бы было? А что, правда же ведь... Ну, достало, мужики, всё. *(Смех в зале).*

Наши надежды, вы знаете, все... Мы же все время работали... Вот сегодня же очень плохо, да? Думаем: «Ну, надежда же есть». Вот честно, все отложенные разочарования. Год, год – все так, все так. Все как-то разочаровываемся: чего ждать?

Вот говорят: «Надо в суде выиграть». Ну, выиграл Шумаков свои миллионы. Кто ему даст? Да никто не даст. Вот он, фермер Шумаков, Омская область. Выиграл через суд. Второй у меня фермер (из нашего объединения) выиграл тоже у Министерства сельского хозяйства области. То же самое, министр ему уже сказал: «Через труп: не дам деньги». И все! То есть, «как это ты посмел судиться с Министерством сельского хозяйства». Сложно. В этом отношении тоже сложно.

Одно радует. Вы знаете, всегда как-то хочется жить более оптимистично. Говорим, что, если даже у нас забрали эти деньги, или их у нас украли – благодарим Господа, что деньгами взял. Могли и что-то другое сделать.

Поэтому – живем, работаем.

Абсолютный приверженец многопрофильной сельской экономики. Абсолютно уверен я, что можно делать эффективную сельскую территорию (даже в глубинке), если мы научимся использовать весь потенциал.

Если мы будем иметь местное самоуправление, настоящее. Если нам удастся заставить или как-то избрать, или, может быть, наконец-то нам один раз

выбрать достойных людей куда-то. Мы же ни разу не пробовали еще. Мы все же надеялись... Мы все надеемся, что это получится. (*Реплики в зале: «Кто же даст-то вам!»*). Поэтому вот такое дело.

Я бы одну минуту попросил себе – по этой Исландии. Она меня тоже, как бы, за душу взяла.

114:24

Игорь Абакумов: В сорок секунд уложите?

Василий Мельниченко: Да. Правда же. Исландия... Это нигде не пишут сейчас в СМИ широко. Исландия выгнала всех от себя – всяких олигархов, банкиров и всех. Честно, выгнала всех. Выбрали парламент. Причем в парламент вошли фермеры, рыбаки, строители. Никаких экономистов – ни одного. (*Хохот в зале*). И все получилось!

Игорь Абакумов: Василий Александрович, спасибо. Вопросы есть к Василию Александровичу? Аплодисменты! (*Аплодисменты*). Я попрошу научно-производственную часть подвести итоги. **Ефимов Виктор Алексеевич**, ректор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Пожалуйста, Виктор Алексеевич.

115:34

Виктор Алексеевич Ефимов, ректор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета:

– Уважаемые коллеги, добрый день!

Мне очень приятно выступать, когда большинство проблем прозвучало и освещено. Я хотел бы коснуться... Так и назвал тему своего выступления: «Методологические аспекты разумной аграрной политики: в чем проблема».

Сегодня мы услышали массу проблем. Но у нас практически нет ни одного направления, которое было бы представлено, что называется, беспроблемно. Если бы это было в одном месте, тогда бы мы рассчитывали, что кто-то там не справился. Но у нас ровно по всем направлениям везде проблемы.

Неслучайно я здесь вынес и на заглавную страницу, что если мы все-таки не сменим направление своего движения, то рискуем оказаться там, куда сейчас и направляемся.

Я внимательно изучил дорожную карту, и на меня очень хорошее впечатление производит этот труд. Патологии и проблемы все там достаточно системно и полно изложены. Но главная задача на сегодня не столько... Теперь нам эти все проблемы, после того как они изложены – их нужно структурировать. Нужно перейти от этого «калейдоскопа» к четко выраженной «мозаичной» картине, то есть докопаться до первопричины.

Если смотреть на первопричину, то мне она представляется... У меня презентация порядочная, я просто оставлю для интересующихся, не могу комментировать. Скажу только – мы с вами «третья клеточка». Наша проблема в чем. Что именно мы эти вопросы должны ставить, поскольку все, кто до нас – они на нас отыгрываются. Над всеми висит кредитно-финансовая система. Она – задающий генератор всех наших проблем. Энергетики спокойно закладывают все, что им оттуда валится, в себестоимость. Сырьевики и так далее. А мы не можем, потому что выходим уже на потребителя. А потребитель неплатежеспособен – раз, и глобальный рынок продовольствия – два.

Поэтому мы с вами – то звено, которое должно понять. Почему я считаю что вопросы, казалось бы, не совсем аграрные. Но они именно в нашей аудитории должны стоять, потому что, кроме нас, никто эти вопросы не ставит. Большинство всех все устраивает. А в чем основная проблема. Проблема как раз в том, что у нас «солнце» и «луна» поменялись своими проблемами. Если, условно говоря, в жизни вообще реальный сектор – это есть «солнце». А кредитно-финансовая система... Что такое деньги. Деньги – это информация, на бумажных или электронных носителях, ничего больше. Но у нас это трансформировалось. У нас кредитно-финансовая система – это основа. А вот реальный сектор – он само собой, если деньги есть. Наоборот.

118:25

Возьмите **Козьму Пруткова** – у него по этому поводу сказано, на мой взгляд. «Что для нас важнее – солнце или луна?». Он говорит: «Конечно же, луна. Солнце светит днем, когда и так светло. А луна – по ночам». Вот у нас в стране примерно также. Одна кредитно-финансовая система. Хотя это

просто информационная система и ничего. Она должна обслуживать сектор реального производства.

Я почему хочу сказать, что это проблема основная. Можно ли жить по-другому, можно ли жить, что не будет инфляции вообще. Почему мы считаем, что инфляция – это нечто Богом данное. Это не так. Я вам приведу два таких примера.

С X по XII век в Европе был запрещен судный процесс. Более того. Тот, кто хранил деньги в банке, был обязан платить за это хранение. Колоссальный рост всего и вся, прежде всего, в сельском хозяйстве. Деньги можно было сохранить только там, где устойчивость. Во Франции и Англии (я примеры привожу здесь) колоссальное количество именно сельхозпредприятий было развито.

Возьмите вторую табличку – Менделеев. Посмотрите, даже название работает: «С думой о благе российском». Он приводит динамику всех цен в течение ста лет. В течение ста лет цены неуклонно снижались. За сто лет цены на все товары снизились в 1,7 раза. Так почему мы сегодня не можем понять, что так, как мы живем – это вовсе не догма. Когда говорили о том, что нам нужно войти в какое-то новое информационное пространство, так вот, первопричина именно в этом.

Есть два подхода – на уровне нравственности и мировоззрения. Мы живем сейчас по библейской концепции. Вот у меня дословно выдержки из Библии. А это алгоритм управления странами и народами. «И будешь давать займы многим народам. Сам не будешь брать займы. И будешь господствовать над многими народами. Они над тобой господствовать не будут».

С другой стороны, Коран запрещает предоставление денег под процент как самый страшный грех. Это вопрос не экономики. Это вопрос мировоззрения и нравственности. По Корану, если вы кому-то дали сто рублей, а назад взяли сто один – это самый страшный смертный грех, потому что вы этот рубль не заработали.

Аристотель еще говорил, что «есть деньги, у которых родители – труд, а есть деньги, у которых родители – сами деньги».

Вы вдумайтесь только. Даже **Бенедикт XVI** в газете **Ватикана** пишет: «Этические принципы, на которых основаны исламские финансы, могут

помочь приблизить банки к клиентам, вдохнуть в них истинный дух и так далее».

Поэтому... Казалось бы, совершенно не наши вопросы. Но уверяю вас: кроме нас, никто их не поставит. Их не поставит Президент. Почему. В свое время Путин... В общем-то, он владеет вот такими (неразборчиво, 121:24) проблемами. Но важно, чтобы в общественном сознании эта информация присутствовала. Вот как можно было доказать, что Солнце не вращается вокруг Земли? Это не могли делать ни короли, никто. Это мог делать тот, кто это делал.

Мы с вами должны быть в такой же функции. Президент... Он сказал в 2000-м году о необходимости национализировать Центральный банк – и тишина. Общественное сознание не готово. Менять это – на мой взгляд, это наша с вами задача. Посмотрите. Вот нам говорят: «Инфляция...». Почему у нас ставка высокая, которая всех нас губит? Да потому что инфляция. Вот вам табличка, потом читаете.

В Соединенных Штатах ставка меньше инфляции в 13 раз. В Европе – в 3,1 раза. В Великобритании – в 9 раз.

122:19

Игорь Абакумов: Виктор Алексеевич. 30 секунд.

Виктор Ефимов: Да, все. Поэтому вопрос не в этом. Вопрос – в неправильном взгляде на происходящее. Точно также Соединенные Штаты имитировали с 2008-го года больше, чем за предыдущие 400 лет. Нам говорят, имитировать нельзя. Наша денежная масса должна быть увеличена минимум в десять раз, потому что деньги должны печататься под ресурсы, инвестиционные проекты.

Поэтому, если посмотрите на карту субсидий Минсельхоза – 57% (о чем уже говорилось) в действительности идет на выплаты по процентным ставкам. А это деньги в банке. Все это идет под лозунгом Вашингтонского консенсуса, который был внедрен вначале для латиноамериканских стран, а потом перекочевал на нашу землю.

Игорь Абакумов: Виктор Алексеевич. Дорожную карту одобряем?

Виктор Ефимов: Дорожная карта прекрасная. Но ее нужно дополнить методологическими проблемами. К числу этих проблем я бы отнес, первое – это то, что я сказал: изменение соотношения кредитно-финансовой системы и реального сектора производства. Второе – взглянуть на карту России и понять, что Россия – аграрная страна, и создать «зеленое Сколково».

Это по смыслу должно быть... Вот что государство должно приветствовать. Должен быть центр, где все, что бывает на земном шаре лучшее, должно быть представлено. Куда из любой точки можно приехать и посмотреть: что в Канаде, что – в Европе и так далее. Вот, собственно, две проблемы, которые могли бы реально изменить ситуацию.

123:53

Игорь Абакумов: Спасибо, Виктор Алексеевич. Спасибо. *(Аплодисменты)*. Вопросы есть к Виктору Алексеевичу? Вопрос Анатолия Ивановича Алтухова.

Виктор Ефимов: А вот предпосылки я не скажу.

Анатолий Алтухов: Вы правильно все сказали. Но, я думаю, все-таки могли поделиться вашим опытом в плане того, что закредитованность очень высокая. До реального сектора в АПК доходит примерно одна треть от силы. Высокая нагрузка выплаты по кредитам.

Вопрос. Как вы видите выход из этого положения, учитывая отдельные моменты... Например, как сказал уважаемый председатель колхоза (или фермер): есть сельские территории – если их лишить предприятия, которое некредитоспособно...

Игорь Абакумов: Градообразующего.

Мужской голос: Да. То рассыплется вообще вся территория. Ваше видение, как подойти к этому вопросу.

124:50

Виктор Ефимов: «Подойти к этому вопросу» – жесткую формулировку в первом пункте посмотрите: замена процентных доходов банков. Банки не должны получать проценты вообще. Тарифами на их услуги... То есть, работают – получите по тарифам.

Второе. Доходы банков от участия в прибылях реального сектора. Вы должны, если заработали вместе с банком, из своего кармана профинансировать банкира, уборщицу и другой обслуживающий... Вот в чем дело.

Мужской голос: Виктор Алексеевич, вы, наверное, не поняли до конца мой вопрос! Как выходить из ситуации, которая произошла уже сейчас.

Виктор Ефимов: Сейчас никаких других выходов нет, кроме как эти задолженности списать, если мы не хотим погубить страну.

125:31

Игорь Абакумов: Давайте этот вопрос оставим для дискуссий, потому что вопрос списания – это вопрос очень тонкий. Если у вас вопрос, пожалуйста. Один вопрос.

Мужской голос: У меня вопрос такой. Вы выпускаете ежегодно сотни студентов. Сотни студентов у вас выходят. По статистике, 5% идут в сельское хозяйство. 95% идут куда хотят.

Вопрос такой. Скажите, пожалуйста, вы можете рекомендовать студентам идти в сельское хозяйство, когда Минсельхоз сокращается ежегодно, когда в регионах сокращаются специалисты ежегодно. В муниципальных образованиях тоже **сокращения**. Что вы делаете в этом случае.

Игорь Абакумов: Вопрос понятен.

Виктор Ефимов: Я хочу сказать, что у нас статистика другая. В аграрных университетах ребята совершенно другие. Я вам один пример приведу. Я подхожу к МГУ: от дыма (я отвык уже от табачного дыма) не пройти! Все студенты курят. Если вы у меня перед входом в университет в течение года хотя бы один раз увидите курящего студента, для меня это будет шок. Не бывает такого!

126:33

Игорь Абакумов: Вы будете готовы закурить? *(Смеется)*.

Виктор Ефимов: Да, я тогда закурю, наверное, сам. Но у меня сотни ребят, которые никогда в жизни не сделают ни глотка алкоголя, ни глотка табака,

потому что они имеют дело со Священным Писанием от Бога природы. Они иначе настроены.

Игорь Абакумов: Понятно. Виктор Алексеевич, оставьте запал для дискуссии чуть-чуть!

Виктор Ефимов: Я хочу им сказать...

Игорь Абакумов: Спасибо.

Мужской голос: **Вы не поняли вопрос.** Я вас спрашиваю, как вы трудоустраиваете людей, своих студентов, когда идет полное сокращение (**неразборчиво, 126:58**).

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое. Прошу прощения, мы сокращаем время дискуссии.

Виктор Ефимов: Мы говорим – не только в деньгах счастье!

Мужской голос: Не надо, не надо, не надо.

Виктор Ефимов: Пушкин сказал о природе, что «надо ценить общение с природой».

Игорь Абакумов: Виктор Алексеевич, спасибо вам большое! Я хочу вас немножко дополнить. Вы говорили, что Президент то ли не понимает, то ли ему докладывают, что солнце и луна поменялись местами, что производитель продовольствия должен быть «солнцем». Я так думаю, это был намек на Галилея?

Виктор Ефимов: Да.

127:29

Игорь Абакумов: Было такое стихотворение в свое время.

Ученый, сверстник Галилея,

был Галилея не дурнее.

Он знал, что вертится земля,

но у него была семья.

(Смех в зале).

Виктор Ефимов: Да, **тоже правда.**

Игорь Абакумов: Я хочу сказать вот о чем. Когда мы говорим о причинах нашего отставания, мы, может быть, не до конца оцениваем, в какой ситуации находимся. У нас ведь была очень милитаризованная экономика. Если вы понимаете, в первую очередь производились танки. Только потом производились тракторы на параллельном конвейере. Может быть, и на том же конвейере.

Я в свое время служил в армии. Был в Ленинграде. На Кировском заводе шел «Кировец», а следом собирался танк на том же конвейере *(улыбается)*. Было очень смешно смотреть на это дело! *(Реплики в зале неразборчиво)*. В первую очередь, это, конечно, были бы танки.

128:22

Мужской голос: «Кировец» – это танковый тягач. Не более чем.

Игорь Абакумов: Это ракетный тягач.

Мужской голос: Нам преподаватель в это время говорил, что он просто для того, чтобы таскать танки.

Игорь Абакумов: Да, это ракетный тягач. Но дело в том, что милитаризованной была не только наша экономика. Мы и весь мир сейчас очень много обсуждаем проблему ГМО. На мой взгляд (да и не только на мой взгляд), проблема ГМО – это тоже сколок военно-промышленного комплекса. Это осколок биологической войны.

Были предприняты кое-какие шаги. Финансирование шло больше чем Манхэттенскому проекту создания ядерного оружия. Было создано биологическое оружие. Потом были подписаны конвенции о запрете этого оружия. Эти наработки надо было куда-то девать. Вот так и получились ГМО.

Я хочу предоставить слово специалисту в этой сфере. **Ирина Ермакова**, эксперт по экономике и продовольственной безопасности. Ирина Владимировна, где вы сейчас работаете?

129:31

Ирина Владимировна Ермакова, *эксперт по экономике и продовольственной безопасности*:

– Я сейчас (**неразборчиво, 129:33**) эксперт, потому что, борясь с ГМО, я вынуждена была уйти из института, поскольку институт отказался продолжать исследование и вообще не рекомендовал об этом говорить.

Поскольку тема очень важная, и от этого зависит, будет наша страна существовать или нет, я выбрала другой путь. Я решила уйти и продолжать (**неразборчиво, 129:50**).

129:50

Игорь Абакумов: Я могу сказать. Мы снимали фильм о ГМО с участием госпожи Ермаковой. Мы показывали на экране по центральному телевидению (**«Центральное телевидение» - программа?**) результаты экспериментов, которые она производила. Они повергают в шок! Это действительно научные эксперименты, которые многие пытались оболгать, но не получилось. Правильно?

Ирина Ермакова: Да.

Игорь Абакумов: Тогда с нею справились административно. Мы решили предоставить ей слово. Пожалуйста.

130:20

Ирина Ермакова: Спасибо большое за это. Но я сегодня буду говорить не только о ГМО, а дам вам общую картину того, что происходит.

В сельском хозяйстве традиционно используются химические вещества, ГМО, генные технологии, (**неразборчиво, 130:34**) без химии и ГМО. Традиционно активно используются пестициды. Я вам сразу скажу: пестициды – это даже переводится «зараза, которая убивает». Это стерилизаторы.

В 2009-м году Европейский парламент запретил 22 гербицида. Среди них – раундап и глюфосинат, которые очень широко используются в России.

Раундап приводит к гибели эмбриональных клеток. Глюфосинат приводит к преждевременным родам и выкидышам.

131:05

Игорь Абакумов: Позвольте, я дополню сразу. Если кто не знает (кто знает, тот поправит меня или подтвердит), раундап был сделан специально, чтобы уничтожать растения, которые растут на аэродромах! Он не имел никакого отношения к сельскому хозяйству изначально вообще. Он был приспособлен к этому.

Ирина Ермакова: Помимо этого, раундап применялся во время войны во Вьетнаме. Они с помощью него уничтожали сорняки и вообще растительность, пытаясь таким образом найти партизан.

Потом, когда война во Вьетнаме кончилась, они стали создавать генетически-модифицированные организмы, устойчивые к этим пестицидам. Причем объяснили это тем, что якобы будут этих пестицидов использовать намного меньше. На самом деле, фермеры получали семена и вдобавок пестициды.

Более того, появились суперсорняки. Пестицидов стали использовать в тысячу раз больше, чем раньше! Растения накапливают пестициды. К нам на стол вместе с ГМО, которые от них не погибают, поскольку устойчивы к ним, попадают еще и отравляющие вещества.

ГМО. Это некорректные способы получения. Они создавались с помощью патогенных бактерий или вирусов. Оказывают очень негативное системное воздействие на живой организм: онкология, бесплодие, аллергия, генетические заболевания, ожирение, диабет и другие заболевания.

132:33

(Демонстрация слайда).

Это крысы из моего эксперимента. В корм их матерей я добавляла трансгенную сою, устойчивую к раундапу.

(Демонстрация слайда).

Это исследование французских ученых, которые в корм животных добавляли кукурузу. Тоже огромные опухоли, причем такого же вида.

В прошлом году, в июле, уже в Америке сам Обама вручал премию врачам-американцам, которые доказали, что ожирение и диабет в Америке вызваны ГМО. Именно тех в районах, где их распространяли, резко выросло количество людей с этими заболеваниями.

Деградация почвы (**неразборчиво, 133:13**) – это было показано многими отечественными и зарубежными исследованиями. Это связывают с гибелью микроорганизмов, гибелью дождевых червей. Дело в том, что ГМО приводит к глобальному бесплодию живых организмов. Им все равно, кого убивать: человека, микроорганизмы или дождевых червей.

133:30

(Демонстрация слайда).

Это письмо американского фермера. Такой крик души (**неразборчиво, 133:36**). Там, где они сажают, нет птиц, нет бабочек, «мы кашляем во время урожая». Большое подробное письмо.

Европа стала защищать себя, поскольку зараза, действительно, очень мощная. Стали организовывать зоны, свободные от ГМО. Самые развитые страны объявили себя полностью свободными от ГМО.

(Демонстрация слайда).

Это очень интересная схема. Это уже наши студенты. Ее необязательно рассматривать ее очень подробно. Это такая модель генно-модифицированного вызова национальной безопасности. Модель позволит оценить риск и угрозы чрезмерного бесконтрольного импорта ГМО. Обосновать предложение по его снижению до приемлемого уровня. В схеме, которую сейчас предлагают наши студенты, они хотят показать, как будут распространяться ГМО, что нужно будет делать и на что обращать внимание, чтобы предотвратить.

134:29

Тем не менее, пока мы говорим о ГМО, наша страна почему-то выбрала абсолютно другой путь. Совсем недавно вышла статья ученых из МГУ, которые писали, что нужно срочно захватывать биотехнологический рынок,

оттягивая биотехнологии на себя. Быть в мире фактически лидером в этой области.

Я не знаю, кто рекомендует такие вещи, и почему наше Правительство прислушивается. Эти рекомендации – совершенно не то, что нам нужно. На самом деле, это ловушка. Как только мы захватим биотехнологический рынок (и нам дадут возможность захватить), именно нас объявят крайними и виновными в том, что мы распространяем опасные ГМО по всей планете. Губим как свою территорию, свое население, так и всю планету.

Мы будем здесь крайними. Будем отвечать за то, что сделали не мы. Но только оттого, что мы не поставили заслон ГМО, а, наоборот, стали их пропагандировать, мы окажемся виноватыми во всех бедах.

135:34

Ученые уже подсчитали, что ограниченное земледелие намного более выгодно, чем любое другое традиционное сельскохозяйственное использование ГМО.

(Демонстрация слайда).

Здесь несколько пунктов – принципов. Это, конечно – «нет химии». Это **(неразборчиво, 135:55)** органику и прочее.

Это кассетный способ агропроизводства. Совершенно новый способ по выращиванию зерновых **(неразборчиво, 136:04)** культур.

4 – 5 урожаев за сезон. Увеличение гумусного слоя почвы. Естественная защита от насекомых. Там они просто немного меняют вегетативный период. Без использования всяких химических веществ.

Разработчик этого способа находится здесь в аудитории. Если будут вопросы, он вам с удовольствием ответит. 4 – 5 урожаев за один сезон, никакой химии, никаких ГМО.

136:30

Вот на что еще я хотела обратить внимание. Все-таки нужно думать о новых технологиях на службе сельскому хозяйству. Дело в том, что сейчас новое веяние – искусственное мясо. Но это не ГМО, это не трансгенные животные.

Это использование стволовых клеток для получения нужной ткани. Можно создать куриную ножку, мясо барана, еще что-то.

В этом году состоится 59-й Международный конгресс по... Так называется: «Мясная наука и технологии» (Турция). [\[Международный конгресс по науке и технологии мяса\]](#). Если кого-то заинтересует, я бы очень рекомендовала вам туда поехать.

Не надо убивать животных. Сейчас весь мир (обратите на это внимание – это действительно очень важно) пойдет по этому пути: животных убивать не будут. Будут создавать из стволовых клеток мясную продукцию и продавать. Мы на этом поприще, естественно, вынуждены будем уступить, поскольку это будет значительно более дешево и безопасно.

Вот на такие вещи я хотела обратить ваше внимание.

Спасибо за внимание.

(Аплодисменты).

137:44

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое. Есть ли вопросы к госпоже Ермаковой? Пожалуйста. Представляйтесь, пожалуйста, сразу.

Юрий Павленко: Павленко Юрий Григорьевич, Институт экономики. Я, может быть, не услышал (просто по времени позже зашел). У меня такой вопрос. Когда мы покупаем продукт в России, и там написано «нет ГМО», в какой степени нужно этому верить, какие оценки?

Мужской голос: Как на заборе!

Ирина Ермакова: Дело в том, что когда выпустили эти продукты, они действительно не содержали ГМО. Тогда был достаточно жесткий контроль за ними. Но в настоящее время это используется порой как рекламный ролик.

По идее, должны делать контрольную закупку и проверять, действительно ли там нет ГМО. Если там есть ГМО – должны быть штрафы. Но сейчас в нашей стране никакого контроля ни за какими продуктами практически нет. В том числе за тем, какие содержат ГМО и не содержат.

Общественные организации, которые проводили контрольные закупки и проверяли, так это или не так, почти все закрыли. Хотя я могу сказать – есть все-таки обнадеживающая информация: количество ГМО в наших продуктах снизилось с 60% – 70% до 0,6%.

139:00

Тем не менее, в 2006-м году было подписано «обменное письмо» между **Германом Грефом** и **Сьюзан Шваб**, что после вступления в ВТО мы обязаны пропускать всю американскую генетически-модифицированную продукцию.

Более того. Именно в этом году идет такое Постановление, в котором говорится, что проверять трансгенную продукцию мы не обязаны. Нас лишают вообще возможности даже ее проверить!

То, что сейчас будет происходить – мне даже трудно сказать. Я не знаю, что это такое: игра, война или предательство. Я не могу понять как женщина, как мать, как ученый.

139:39

Игорь Абакумов: Ирина Владимировна, спасибо вам большое. Это не война и не предательство. Это неподготовленность и отсутствие позиции по этому поводу (в том числе и аграрной политики), что мы будем использовать.

Ирина Ермакова: Мы столько раз это рассказывали, объясняли всем.

Игорь Абакумов: Если вы читаете прессу – французские фермеры уже много раз били стекла в 'McDonald's' во Франции в связи с тем, что там продавалось генетически-модифицированное мясо. Были такие случаи. У нас таких протестов нет, несмотря на то, что генетическое продовольствие у нас уже есть (генетически измененное). Большинство видов сои, которая идет на корм нашему скоту – это с участием ГМО, безусловно.

Ирина Ермакова: Сначала нужно это доказать, потому что (**неразборчиво, 140:24**).

Игорь Абакумов: Доказывать это крайне сложно. У нас входных лабораторий, которые тестируют на ГМО, всего четыре.

Ирина Ермакова: У нас на таможне. Таможня (неразборчиво, говорят одновременно, 140:34).

140:34

Игорь Абакумов: По сторонам света они расположены, и специалистов очень мало. Вот в чем история, понимаете.

Ирина Ермакова: Я бы хотела к дорожной карте добавить (неразборчиво, 140:41) все-таки пункт об ограниченном земледелии, потому что именно по этому пути пошла вся Европа. Это действительно хорошо для природной среды и для человека. Поэтому выделить это отдельным (неразборчиво, 140:52).

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое. Вы не могли бы уточнить по вашим экспериментам с мышками. В каком поколении у них терялась способность к воспроизводству? Послушайте внимательно, пожалуйста! (*Обращаясь к залу*).

Ирина Ермакова: Что касается моих исследований. Если кормить... Мы подкармливали сначала только самок. Первое поколение было, но была очень высокая гибель: более 50%.

Игорь Абакумов: Одну секунду. Джентльмены, давайте я вам лучше дам домино. Вы сыграете, хорошо. Давайте уважать докладчика. (*Обращаясь к залу*).

141:25

Ирина Ермакова: Среди выживших около 40% были недоразвитыми. Все они оказались бесплодными. То есть, следующее поколение... Его называют либо вторым, либо третьим в зависимости от того... Родители считаются как первое или как нулевое. Значит, его уже не было. Они все были бесплодными, которые выжили.

Когда мы стали подкармливать не только самок, но и самцов, мы уже не смогли получить нормальное первое поколение. 75% самок не дали потомства. (Неразборчиво, говорят вместе, 141:52). То, что у нас сейчас растет бесплодие в стране...

Владимир Тарасов: Позвольте вопрос к докладчику. Тарасов, Аграрный центр ЕврАзЭс. Скажите, пожалуйста. Как вы объясните, почему на сегодня до 90% сои, кукурузы в Бразилии, Аргентине, США и Канаде производится по генно-модифицированным технологиям и семенам. Почему сейчас сахарная свекла (новинка в ГМО) – в Канаде 98% сахарной свеклы производится только по ГМО-технологиям. Доказано, что никаких следов при получении белого сахара... Нигде никаких дефектов в структурах не обнаружено.

Почему в этих странах – Аргентина, Бразилия, Канада, США (не совсем отсталые страны)...

142:46

Игорь Абакумов: А вот это будет предметом нашего следующего доклада об информации и монополиях на информацию. Как раз об этом будет наш следующий доклад.

Ирина Ермакова: Я отвечу. Буквально два слова скажу. Вы знаете, я была в Америке как раз в компании “Monsanto”. Дело в том, что сейчас в Америке очень много магазинов и палаток, где написано: «Органика. Экологически чистые».

Сама “Monsanto” не производит. Она проводит эксперименты. Производят эту продукцию в африканских странах и так далее. Правда, часто это идет на экспорт. Она не используется внутри самой страны. В Америке нет маркировок: никто не знает реально, что они едят. Едят ли они трансгенные культуры, я не знаю.

Судя по всему, они их не едят. Они их отправляют в так называемые развивающиеся страны. В американском списке мы находимся как развивающаяся страна, и на нас их испытывают. Уменьшается население – значит, плохие культуры. Не уменьшается – значит, нормальные. Примерно вот так они рассуждают.

143:47

Игорь Абакумов: Спасибо, Ирина Владимировна. Если нет больше вопросов, мы переходим к следующему докладу. Следующий доклад будет об аграрной информации. О том, почему о многих разработках мы так плохо

знаем. О том, почему мы так плохо обсуждаем аграрную политику. О том, что люди вообще не знают, какие есть варианты аграрной политики, и есть ли она. О том, какой аграрный бюджет. Почему до сих пор не поступили на село аграрные субсидии, хотя посевная уже давно началась.

Константин Алексеевич Мезенцев, главный редактор интернет-портала AgroNews и газеты «Крестьянские ведомости».

144:40

Константин Алексеевич Мезенцев, *главный редактор интернет-портала AgroNews и газеты «Крестьянские ведомости»:*

– Сразу скажу, что я полностью разделяю пафос «дорожной карты». Считаю, что это достойный документ. Конечно же, благодарность тем, кто эту идею выдвинул и реализовал. Но укрепить я хочу начальные положения, где критика, таким вот замечанием.

У плохого хозяина, в зависимости от региона, из одного зерна вырастет где-то 40 – 45. В разных регионах по-разному. У среднего где-то от 40 до 50, 55. У хорошего еще больше.

Вот подумайте, какие нужно применить усилия, чтобы такую потенциальную рентабельность обратить в то состояние сельского хозяйства, в котором мы находимся сегодня. Поэтому я полностью поддерживаю этот пафос.

Дальше.

Известно, что Советский Союз как основатель Организации Объединенных Наций и практически всех структур ООН имел полное право вступать в эти организации. Но одна организация, в которую он не вступал, это Сельскохозяйственная и продовольственная организация (ФАО \ FAO). И почему? Потому что аграрная информация в Советском Союзе была засекречена. Добиться каких-то объективных цифр о том, что же происходит на самом деле, было практически невозможно.

146:49

Пример как раз из Самарской области. Как-то я с **Константином Алексеевичем Титовым** разговаривал. Он мне рассказал такую смешную штуку. Оказалось, что площадь Куйбышевской области на 280 тысяч

гектаров меньше, чем Самарской. Те же границы! Понимаете? То есть, 280 тысяч гектаров земель были не учтены при советской власти. Понятное дело, что с них собирали какую-то продукцию. Вот вам и итоги результатов 1990-го года.

Я в аграрной экономике давно и знаю, что той радужной картины, которую сегодня многие ностальгически рисуют, просто не было. Говорить о том, что это может быть каким-то базисом, тоже не приходится. Людмила Владимировна, я с вами не согласен в одном. В вашей презентации было написано: «Новая аграрная политика». По моему глубочайшему убеждению, и старой-то нет, понимаете!

Если есть какая-то единая государственная политика (сегодня на «пленарке» об этом говорилось), она не может быть единой идеальной моделью. Но если она государственная политика, значит, она от начала и до конца реализуется. То, что происходило после капиталистической революции в нашей стране, политикой никак не назовешь. Я это знаю доподлинно.

Тут, конечно, причин много. В первую очередь, мне кажется (это мое личное мнение), это сделано намеренно. Я не призываю к тому, чтобы искать «пятую колонну» или закулису какую-то, но без намеренных извращений здесь не обошлось.

Такой пример. Мы разговаривали с **Егором Тимуровичем Гайдаром**. Он объяснял нам – я тогда работал...

149:16

Игорь Абакумов: Одну секунду. Я поясню. Константин Алексеевич Мезенцев был вице-президентом АККОР в самом начале (чтобы вы понимали, почему он разговаривал с Гайдаром).

Константин Мезенцев: Мы потребовали объяснений: «Почему вместо того, чтобы закупить продовольствие в регионах, вы отпустили цены и запустили сюда импортное продовольствие?». Он на голубом глазу отвечает: «Мне доложили, что в Советском Союзе продовольствия нет». Отсутствие информации привело к тому, плоды чего мы сегодня пожинаем.

149:57

Далее.

Совсем недавний пример. Как появился импорт зерновой. Ну, как – очень просто! Президент спрашивает: «Сколько у нас зерна?». Министр бойко отвечает: «Столько-то». – «Так, хорошо». Он спрашивает у губернаторов, складывает все. «Не **бьет**. Ага, интересно». Он ставит спецслужбы. Ему докладывают: «Зерна практически не осталось».

Как любой нормальный человек, который думает, как ему поступать в данном случае, как обезопасить страну, он заявляет: «Стоп! Стоп по экспорту». Мы знаем прекрасно, к чему это привело. Какие потери. И это все информация!

Так получилось, я был одним из тех людей, которые... Игорь Борисович правильно рассказывал. Я был первым, кто батрачил на комбайне в Америке месяц. Жил на ферме и изучал структуру – как устроено сельское хозяйство в Америке снизу доверху.

151:05

Игорь Абакумов: Это было в 1980-е годы еще.

Константин Мезенцев: Да, еще при **историческом** империализме (*улыбается*). Вдруг неожиданно для себя я обнаружил, что штат Министерства сельского хозяйства США состоит ни много ни мало из 70 тысяч человек. Тысяч! Обратите внимание на одно обстоятельство. В центральном офисе работает в зависимости от нужд, от программ – от 5,5 до 8 тысяч человек. Все остальные работают аж до – (ну, по-нашему) райцентра.

Мэр или кто-то приходит и говорит: «Слушай, у меня там не шибко хорошо. Ты уж дай отчет, что у меня такая ситуация – лучше, чем...». Он говорит: «Запросто! Пожалуйста, вон туда – к моему начальству. Я оттуда получаю зарплату. И тогда я тебе любые цифры напишу». Понимаете?

Разговор о том, что система аграрной информации – это самое дорогое, что есть. Хотя внешне она не стоит денег.

Павел Николаевич, у Бориса Абрамовича одна из последних работ (я ее опубликовал). Он ей предпослал такой подзаголовок: «Информация – нематериальный актив отрасли». Понимаете, в чем штука – такой вот

короткий афористический слоган, но он очень точно показывает, что без этого мы просто никак не обойдемся

Сегодня и сейчас что происходит. Вы прекрасно знаете, что управление сельским хозяйством (это большое преступление, но оно состоялось) децентрализовано. Информация наверх подается службами, которые подчиняются своим губернаторам. Те, соответственно, от районов получают. Получается, что каждый глава района, каждый губернатор хочет выглядеть получше перед центром. Здесь, на самом верху, искажения достигают, по моим прикидкам, до 40%.

153:35

Вы можете себе представить, что серьезнейшие экономические решения принимаются на такой базе, где ошибка – 40%! Это хуже, чем преступление. Это ошибка, понимаете. Это невероятно!

Я считаю, что дорожная карта вот этим разделом об аграрной информации она обязательно должна быть дополнена (*неразборчиво*, 154:07).

Смотрите. Говорят, что столько-то производят фермерские хозяйства, столько-то – ЛПХ, столько-то – групповые хозяйства, столько-то – агрохолдинги. А на самом деле никто не знает, сколько!

Я у своего друга **Ивана Григорьевича Ушачева** спрашиваю: «Слушай, скажи, пожалуйста. Сколько через 10 лет у нас должно быть фермерских хозяйств, сколько агрохолдингов и так далее и тому подобное». Он говорит: «Я не знаю». И никто не знает, потому что нет у нас государственной политики, к большому сожалению.

(Аплодисменты).

154:44

Игорь Абакумов: Спасибо, Константин Алексеевич. Есть вопросы? Один вопрос, пожалуйста.

Мужской голос: Андрей (*неразборчиво*, 154:54). Скажите, пожалуйста. У нас сельское население в стране катастрофически убывает. 2000 у нас убыло, в районе 18 тысяч человек живет. Из них 50% – это пенсионеры, 30% – администрация, милиция, школы, больницы, 10% – школьники, и остальное –

трудоспособное население. У нас работает около 20 человек всего, занято в сельском хозяйстве. Некому работать...

Игорь Абакумов: Простите, вопрос в чем?

Мужской голос: Информация есть: сельское население и городское?

Мужской голос: Опять-таки информация вот здесь...

Игорь Абакумов: Можно я отвечу, Константин Алексеевич. 2000-е годы, «нулевые» годы впервые в истории России были отмечены таким фактом: число призывников из городов впервые превысило число призывников в армию из села. Это является концом нашей легенды о том, что село наш кормилец, наш «роддом», наш родник и так далее. Всё, товарищи! Крест. Я думаю, что поэтому появилась дорожная карта развития, слава Богу.

Мы исчерпали список докладчиков. Мы переходим к дискуссии.

У меня есть два вопроса к аудитории. Я думаю, что попрошу ответить участников дискуссии со стороны академической науки. Это будет короткий вопрос, и прошу сжатые короткие ответы.

Я вам просто приведу один пример. Я был свидетелем и соучастником того, как голландский фермер берет кредит на покупку трактора. Я с ним вместе ходил как его стажер в банк.

“Rabobank” (это крестьянский кооперативный банк) располагается в трех местах в деревне: на въезде в деревню, в середине деревни и в конце деревни, на выезде. Так, чтобы удобно было.

Он мог идти в любое отделение, поскольку его там знают, он там живет. Кредит на покупку трактора занял ровно 40 минут. Это был новый трактор “John Deere”, он его покупал. Называю марку не в целях рекламы, а просто я это запомнил, зеленый такой.

40 минут, потому что в банке имеется вся информация об этом вкладчике, вся информация о его основных фондах, вся информация о составе его семьи. Это очень важно, поскольку если бы он в возрасте 50-ти лет вдруг решил жениться на молодой женщине, его процентная ставка по кредиту стала бы заоблачной сразу. Это очень серьезный вопрос. Это очень серьезный вопрос, оказывается. Для меня это было откровение.

Так вот у меня вопрос ко всем, начиная с **Анатолия Ивановича Алтухова**. Что нам нужно сделать для того, чтобы кредит был доступен? Только не говорите, что выгнать всех банкиров. Если можно, сжато, коротко, лапидарно. Анатолий Иванович.

158:36

Анатолий Алтухов: Конечно, я бы адресовал ваш вопрос – здесь у нас ушел товарищ, **Павел Алексеевич**. Он как раз занимается этим вопросом. Но вам я отвечу. У нас, прежде чем получить такой кредит, нужно собрать очень много документов.

Игорь Абакумов: А они все там, в банке лежат.

Анатолий Алтухов: Нет, это у нас. Еще у нас такая закредитованность. У нас доступ к кредитам по последним данным **составляет** только 19,5% от сельхозтоваропроизводителей. Что дальше об этом говорить! Вопрос просто повисает в воздухе.

Игорь Абакумов: То есть что? Вот было предложение списать кредиты. Вы за списание кредитов?

Анатолий Алтухов: Вот за то, что вы сказали. Да. Есть тоже много... Как вам сказать. Бизнес тоже бизнес. Бизнес есть эффективный бизнес. Правильно? Он взял кредиты, он с ними расплачивается, и он постепенно удорожает свою продукцию. Другой взял кредит, и он не может расплатиться.

Есть еще такой чисто социальный вопрос. Есть сельские территории, где есть образующее такое предприятие, которое тоже берет, но не может расплачиваться. Мы решили (по крайней мере, на сегодняшний день это мнение науки, оно, в общем-то, поддерживается практикой), к этой проблеме нужно подходить дифференцировано.

Действительно надо разобраться. Где-то часть, может, списать. Это даже не по вине сельхозтоваропроизводителей. Где-то оставить. Но присутствие здесь государства обязательно должно быть.

Игорь Абакумов: Спасибо, Анатолий Иванович. Спасибо. Павел Николаевич у нас с позиции «не могу молчать» сейчас будет отвечать.

160:15

Павел Грудинин: По поводу списания кредита. Когда брали кредиты, например, на строительство молочных ферм, у одного стойловое(?) место стоило 270 тысяч рублей, а у другого 900 [тысяч рублей]. Причем в одной и той же зоне, одна и та же технология. Было ясно, что одни брали кредит для того, чтобы быстро получить откат и свалить из этого бизнеса, другие – для того, чтобы действительно работать.

Нужно разделить тех, кто, скажем так... (Неразборчиво, 160:39) надо было по-другому. Надо было определить сначала типовые фермы. Сказать, что вот это деньги, которые вы должны получить, исходя из того, что одно стойловое(?) место стоит столько-то. А остальные деньги вы как хотите свои добавляйте, воруйте, все остальное. Но теперь уже, знаете, обидно человеку, который не брал никаких кредитов, что свои деньги вкладывали, парились, парились, а рядом кому-то списали, и он пошел веселый, зарезал всех коров (неразборчиво, 161:08).

Игорь Абакумов: Понятно. Понятно. Борис Ефимович, ваш взгляд на эту проблему.

161:15

Борис Фрумкин: Мне кажется, что все равно упор надо делать на государственную поддержку доходов крестьян. Крестьянин, которому обеспечен нормальный доход, нормальное воспроизводство, может взять кредиты по нормальной цене.

Можно будет ликвидировать «Сельхозбанк», поскольку он все равно не играет функции института развития. Все перебежали в «Сбербанк» и другие коммерческие банки. Зачем он нужен вообще? А колоссальные деньги из бюджета туда идут.

А с другой стороны, конечно, нужна какой-то залоговая база или под продукцию, или под... Ее не отбирать.

Игорь Абакумов: Стало быть, у нас в оборот надо ввести все-таки землю?

161:54

Борис Фрумкин: Надо. Но опять-таки, как введешь землю, так и может получиться нехорошо. Поскольку это...

Игорь Абакумов: Мы в России живем, да.

Борис Фрумкин: Опыт наших соседей из Центральной Европы показывает, что когда они вступали в Европейский союз, все взяли, так сказать, себе «каникулы» на свободную продажу земли иностранцам на 7 лет. А поляки даже на 12. Поскольку у них очень много, так сказать, мелких крестьян.

Единственная страна, которая не взяла себе такие «каникулы» – Словения. Потому что там известно, что земли мало, она переходит от поколения к поколению, и чтобы купить участок земли, надо просто их зарезать всех. Так и бывает иногда.

Игорь Абакумов: Спасибо большое. Спасибо. Да, Давид Беркович.

162:35

Давид Эпштейн: Я думаю, что насчет списания дифференцированный подход, безусловно. Надо садиться и считать. Мне кажется, все-таки система некоторая... “Rabobank” кооперативный, у нас «Россельхозбанк» государственный. Проценты там нуля до двух, скажем, остальное государство компенсирует затраты – и под программу, под программу.

Если фермер надежный или предприятие надежное (а это видно по истории) – ему можно уменьшить залоговую базу. Соответственно, больше под оборот (ну, какой оборот, если у него нет **коров**)... А тот, у кого рискованно и кто плохо работает, тогда поневоле требования залоговые могут быть больше, но нужны специальные какие-то для таких случаев тоже.

Не должны банкротить сельское хозяйство там, где и так населения нет, работы нет. Это полный маразм, на мой взгляд.

Игорь Абакумов: Одну секунду! Анатолий Иванович.

Анатолий Алтухов: Я хотел сказать еще Давиду Берковичу и Борису Ефимовичу. У нас сейчас почему-то, на нашем Форуме, не прозвучало.

Вот – залоговая база. Да, остается просто земля в конце концов, просто земля. Но сейчас готовится проект закона «О зонированности

сельскохозяйственных земель». Здесь почему-то все молчат. Как-то получается, что это хорошо для практики – или как-то хорошо... Мы вообще не замечаем эту проблему.

Борис Ефимович, вы говорите «вот как на Западе, как в Европе». Там действительно все учтено, вся земля учтена. Есть кадастровая стоимость, рыночная стоимость. А почему именно у нас такой идет напор, что мы тоже должны переходить – хотя у нас даже учета нормального земли нет. Просто он отсутствует.

Почему как-то мы смотрим, как на Западе делают положительно, а у нас вроде бы ничего и не делается? Эти проблемы надо как-то тоже поднимать.

А здесь как раз напрямую касается вопрос, как будет у нас жить сельхозтоваропроизводитель. Независимо от того, ЛПХ, фермер, сельхозорганизация или какая-то фирма, компания. Этот вопрос, Борис Ефимович, скажите, пожалуйста, нам. Тем более сейчас действительно этот вопрос и в Госдуме обсуждается, и вообще просто обсуждается в научной среде. Почему так здесь умолчали об этом? Вопрос очень серьезный.

Игорь Абакумов: Мы еще об одной вещи умолчали. Мы умолчали о том, что сельское хозяйство во всех странах мира является экономической категорией с особым регулированием. К нему не подходят бизнес-категории. Это особое регулирование. Это климатический, это человеческий, это социальный факторы.

Реплики: Это правильно. Безусловно.

Анатолий Алтухов(?): Вы здесь правы.

Игорь Абакумов: Наше Правительство даже понимать это не хочет.

Анатолий Алтухов(?): Нет, вы здесь правы. Почему. Сейчас все-таки что-то делается. По крайней мере, со вступлением в ВТО.

Игорь Абакумов: Вы как защитник Правительства выступаете?

Анатолий Алтухов(?): Нет-нет-нет, слушайте. По крайней мере, хотя бы территорию мы знаем, какие регионы относятся к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства. У нас там тоже целая проблема есть. У нас там минимум 41 регион. Вопрос остается открытым. У нас остается только одна

залоговая база – это земля. Я уж не считаю (неразборчиво, 166:02) – земля.
Почему так?

Игорь Абакумов: Борис Ефимович, вы будете парировать?

Анатолий Алтухов(?): Поделитесь опытом в этом вопросе. Это тоже академическая, (неразборчиво, 166:11) и практическая проблема.

Борис Фрумкин: Мы, собственно говоря, находимся сейчас в положении немножко **затянувшемся(?)**, поскольку мы не члены Европейского союза, над нами Европейская комиссия не стоит, не стучит нам по голове – в отличие от наших бывших партнеров по **Совету экономической зоны**.

Там тоже не было кадастров. Вернее, они были еще составленные в 1930-е, 1920-е годы и так далее. С того времени изменилась структура, качество земли и так далее.

Поэтому они, прежде чем вводить землю в оборот и давать **за нее(?)** какие-то (неразборчиво, 166:42), они взяли эти «каникулы», все пересчитали. Каждый крестьянин, который больше... Например, крестьянских хозяйств 2,5 миллиона, а субсидии получают 800 тысяч. Потому что остальные два с лишним миллиона не находятся в так называемой системе (**Аббревиатура, 166:58**) (система администрирования и информации). Не находишься в этой системе, не сообщаясь про себя (и про землю, и про то, как ты ее обрабатываешь) – ты ничего не получаешь, потому что тебя нельзя проверить.

Земля, которая была – тоже были большие скандалы. Землю отдавали за бесценок в той же самой Польше. Народ хитрил. В Венгрии, например, землю запрещено было продавать иностранцам вообще – они ее сдавали в аренду, чтобы, когда придет время и «каникулы» кончатся, тут же выяснилось, что хозяин живет (неразборчиво, 167:30) где-нибудь. Но сейчас время прошло, доходы немного подтянулись.

Что такое цена земли? Это специализированная рента, как было, так и есть.

Доходы подтянулись. Цены справочные есть, продукт с этой земли потенциально оценивается и так далее. Цены немного подровнялись – теперь они отпустили. А наши цены, конечно, не выровняются, скажем, с Западом и так далее, потому что у нас избыток.

Но у нас сейчас уже стихийная дифференциация. Цена земли в Краснодарском крае и где-нибудь поближе к Салехарду, естественно, разная и будет разная.

Мужской голос: Здесь речь не идет о цене земли. Провести всю систему.

Борис Фрумкин: *(Неразборчиво, 168:19 – 168:30).*

Игорь Абакумов: Спасибо всем большое.

168:44

Женский голос: Мы забыли здесь одну очень важную составляющую аграрной политики. Это, к сожалению, прорисовывается везде. Развитие сельских территорий является составной частью *(неразборчиво, 168:55).*

Игорь Абакумов: Безусловно. Совершенно верно. Простите, пожалуйста. Вы, видимо, не смотрели дорожную карту?

Женский голос: Я смотрела.

Игорь Абакумов: Там есть сельские территории.

Женский голос: Но, к сожалению, не в том объеме, в котом...

Игорь Абакумов: Объем... Это же заявка. Прошу прощения. Чернов, пожалуйста.

Виктор Чернов: Я в двух словах. Чернов Виктор Николаевич. Я разработчик того *(неразборчиво, 169:18)* способа, о котором говорил уважаемый *(неразборчиво, 169:22).* Так вот.

Ваша дорожная карта *(неразборчиво, 169:28)* с учетом этих технологий, а это *(неразборчиво, 169:31)* технологии. Мы их сейчас только-только пытаемся претворить, и, в общем-то, они будут работать. Они могут увеличить ваше производство зерна и в сто раз.

Игорь Абакумов: Мы просим прощения. Вы можете написать это?

Виктор Чернов: Мы уже сколько *(неразборчиво, 169:46).*

Игорь Абакумов: Отлично! Нам это дайте. Вот Константин Алексеевич готов опубликовать. Все. Спасибо.

Я хочу сказать во что. Давайте я вам расскажу, как я представляю себе аграрную политику. Две секунды буквально.

У аграрной политики должна быть задача – продовольственное доминирование России на планете. Если эта задача не ставится, все остальное бессмысленно. Под эту задачу должны быть составлены планы подготовки кадров, планы машиностроения, планы семеноводства, биотехнологий – всего, что есть. Для этого нужен ценный государственный аппарат или общественный аппарат. Только после этого начало какой-то работы.

Первый этап мы заложили сегодня – дорожную карту мы обсудили.

Я вам расскажу еще одну историю маленькую, когда я... Вам уже Голландия, наверное, надоела, но я там работал на тракторе, и трактор у меня заглох. Я обратил внимание, что люди, которые ехали по дороге (большая дорога) махали мне рукой. Я взял и тоже помахал.

Люди остановились на машинах (большегрузы остановились), подошли ко мне, узнали, что у меня проблемы, завели мне трактор водители. Только потом я у хозяина спросил, а в чем дело, почему они остановились. Он говорит: «В Голландии древний обычай – приветствовать работающего в поле человека». Этому обычаю больше века. Я хочу, чтобы в России было то же самое.

Всем удачи. Всего доброго.

173:03

Конец записи